

Чувство пути и пути чувства

Анна ХРУСТАЛЕВА, ведущий редактор
номера

«Только о двух вещах мы будем жалеть на смертном одре - что мало любили и мало путешествовали». Эта цитата Марка Твена нынче невероятно популярна в социальных сетях. Во всяком случае, она встречается тут ничуть не реже, чем глубокомысленные изречения о человеческих несовершенствах, которые приписывают поочередно то Коко Шанель, то Фанине Раневской. Причина такой популярности очевидна: мир зыбок, и нам нужны якоря. Или маяки. Или и то и другое. Лишь бы была уверенность: бездна конечно... Любовь и дорога - лучший выбор для тех, кто отказывается принимать жизнь всего лишь как череду повторяющихся дней, мутных и бесцельных, замкнутых на себя и родства не помнящих.

Наш литературный альманах, который лежит сейчас перед вами, тоже об этом: о чувстве пути и о путях чувства. Маршрут, который мы прочертили, универсален, по нему с легкостью пройдут и реалисты, и романтики. Для первых пусть он станет картой, на которую нанесена осязаемая, с первого взгляда узнаваемая реальность: Тихий океан и сибирская тайга, Урал и Волга, Байкал и Крым, Москва и Питер. Именно здесь разворачиваются события, так же вполне реальные, лишенные, казалось бы, каких бы то ни было фантастических черт, звучно и сочно описанные в лирике и прозе современных нам поэтов и писателей. События «говорящие», провоцирующие на размышления, а иногда и на переоценку ценностей.

Романтики же, если захотят, могут рассмотреть в этом маршруте, проложенном от Дальнего Востока до Карелии, некий параллельный мир, где судьбы человеческие неразрывно связаны с духом места. Где сам ландшафт становится полноправным участником игры, диктующим свои правила, куда более разумные и справедливые, чем законы людские. А человек, этот царь природы, на деле оказывается лишь подданным ее, вынужденным считаться с тем, что далеко не все в этом мире зависит от него. Одни, осознав это, бунтуют. Другие делают шаг назад и замирают в созерцании. Третьи же интуитивно понимают: в любой точке земли человек жив лишь чувствами. Без

этой беспрестанной внутренней работы не будет ему места ни на Севере, ни на Юге, ни на Западе, ни на Востоке...

Несколько слов об авторах нашего альманаха. Вы встретите здесь и имена известных литераторов - современных классиков, уже давно и прочно занявших место в истории русской словесности, и молодых писателей и поэтов, тоже, впрочем, не обделенных вполне заслуженным признанием. Все они замечены отечественными литературными премиями, произведения многих переведены на иностранные языки. И кого-то, вот увидите, однажды (пустячок, а приятно) непременно включат в школьную программу.

Для чего мы взяли за этот альманах? Чтобы показать, что русская литература жива, причем не только в столицах. Она развивается и жарко пульсирует - порауйтесь этому вместе с нами и найдите нечто созвучное вашему сердцу. А еще чтобы напомнить, как прекрасна наша земля - разве этого мало? И наконец... чтобы не пожалеть однажды, что все мы мало путешествовали и мало любили.

Содержание

Василий АВЧЕНКО

«Мне чайки здесь запели на знакомом языке...» 3

Светлана МИХЕЕВА

Заката багровый кочет 6

Иван КЛИНОВИЙ

Сероглазый Красноярск 8

Михаил ТАРКОВСКИЙ

Осень 11

Дмитрий МУРЗИН

Рыба-шахтер 15

Евгения БОРИСОВА

Вкус жизни 16

Сергей ИВКИН

Но Святой Николай усомнился 19

Тамара КОПАНЕВА

Откель в Кукарку кружева пришли 21

Светлана КЕКОВА

Там будет время течь наоборот 23

Юлия БЕЛОХВОСТОВА

Углицкие ссыльные 25

Максим ГУРЕЕВ

Восьмой вид 26

Андрей КОРОВИН

Оборотная грань любви 29

Сергей СОЛОВЬЕВ

Крымские арабески 32

Екатерина ВАРКАН

Москва - иное 36

Мария ВАТУТИНА

А потом наступали дожди... 37

Валерий ПОПОВ

У нас на Васильевском 40

Олег ХЛЕБНИКОВ

Мне этот город был отцом... 42

Сродники: мы

из Заонежья 44

учительская

независимое педагогическое издание газета

Газета основана в 1924 году

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР -

Петр ПОЛОЖЕВЕЦ, peterpol@ug.ru

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР -

Анна ЕЛАНСКАЯ, aelanskaya@ug.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ирина ШВЕЦ - первый заместитель главного

редактора - ответственный секретарь,

irina@ug.ru

Ирина ДИМОВА - первый заместитель

главного редактора, dimova@ug.ru

Ольга МАКСИМОВИЧ - заместитель главного

редактора, maksim@ug.ru

Наталья БУНЯКИНА, uginfo@ug.ru

Анна ДАНИЛИНА, aadanilina@mail.ru

Светлана РУДЕНКО, rudenko@ug.ru

Надежда ТУМОВА, tumova@ug.ru

Анна ХРУСТАЛЕВА, hruss@mail.ru

ОТДЕЛЫ

образования и воспитания

редактор Светлана РУДЕНКО - (495) 623-57-81

Оксана РОДИОНОВА - (495) 607-78-57

Ольга МАРИНИЧЕВА

политики и экономики образования

редактор Анна ДАНИЛИНА - (495) 623-39-17

Вадим МЕЛЕШКО - (495) 623-39-17

писем и социальной защиты

редактор Надежда ТУМОВА - (495) 623-02-85

информации

Наталья БУНЯКИНА - (495) 607-78-57

культуры

редактор Анна ХРУСТАЛЕВА - (495) 607-78-57

Татьяна ЕФЛАЕВА - (495) 607-78-57

компьютерный

Валерий ЦУКАНОВ - (495) 623-15-49

юридический

Татьяна ПОГОРЕЛОВА - (495) 623-02-85

рекламы и общественных связей

Ирина АГАЕВА - (495) 623-73-94

Сайт «УГ»

редактор Ольга МАКСИМОВИЧ -

(495) 607-93-40

веб-редактор Константин СОРОКИН

Агентство «КРУГ-тур»

директор Павел КРИВОУСОВ -

(926) 831-16-27

СОБКРОВОВСКИЕ ПУНКТЫ

Великий Новгород - Светлана ПОТАПОВА

(8162) 66-08-11;

Воронеж - Татьяна МАСЛИКОВА (473) 242-22-06;

Екатеринбург - Марина РОМАНОВА (343) 234-34-35;

Нижний Новгород - Вера АБРАМОВА

(831) 218-78-18;

Новосибирск - Нина КОПТЮГ 8-962-831-73-75;

Омск - Наталья ЯКОВЛЕВА (3812) 95-51-30;

Санкт-Петербург - Наталья АЛЕКСЮТИНА

(812) 366-18-85

Ведущий редактор

Анна ХРУСТАЛЕВА

Компьютерная верстка

Константин ГРЕССЕЛЬ

Зав. корректуры

Екатерина ШМИДТ

ПРИЛОЖЕНИЯ «УГ»

«Мой профсоюз»

Наталья БУНЯКИНА - (495) 607-78-57

«УГ-Москва»

Лора ЗУЕВА - (495) 623-57-81

Адрес редакции:

107045, Москва,

Ананьевский переулок, 4/2, стр. 1.

Телефон для справок (495) 628-82-53

Факс (495) 628-82-53.

Электронная почта ug@ug.ru

Веб-сайт: <http://www.ug.ru>

Учредитель: журналистский коллектив редакции.

Издатель:

ЗАО «Издательский дом

«Учительская газета».

© «Учительская газета».

Все права защищены.

Перепечатка допускается только

по письменному согласованию с редакцией,

ссылка на «УГ» обязательна.

Ⓚ - материал печатается на коммерческой

основе. Редакция не несет ответственности

за достоверность информации, данной

в рекламном объявлении.

Точка зрения автора может не совпадать

с позицией редакции. Рукописи, фотографии,

рисунки не рецензируются и не возвращаются.

Время подписания в печать:

14.00

18 июля 2016 г.

Газета зарегистрирована Министерством печати

и массовой информации Российской Федерации

(№1061).

Отпечатано в типографии

ОАО «Московская газетная типография»

123995, г. Москва, ул. 1905 года, д. 7, стр. 1.

Индексы:

50137, 32168; 12270, 12272

Тип. 1624

Общий тираж с приложениями 74400 экз.

Василий АВЧЕНКО

Как говорить о том, что внутри, о том, что тебе не просто близко, а образует с тобой одно целое?

Что такое Владивосток и Приморье - море, сопки, край света, тайга с тиграми? Ну да. Но не все. А что еще?

Словари ограниченны и бесчувственны: физико-географический район, субъект Федерации, крайний юго-восток России... Это тоже верно, но всего этого тоже недостаточно.

Я никогда не додумаюсь до исчерпывающего ответа. Но пытаться додуматься не перестану.

Свой город я начал по-настоящему открывать для себя уже в возрасте 20+. Только после того, как я побывал в десятке других городов, до меня дошло, что мой - особенный. У меня словно открылись глаза, я вдруг увидел: не все города расположены на крымской широте, не везде ловятся корюшка и камбала, не в каждом лесу растут лианы, кишмиш и маньчжурские орехи, не для всех привычны упершиеся в небо пробки из праворульных машин...

Оказывается, даже море, всегда представлявшееся мне чем-то вроде воздуха, имеется не везде. После этого открытия (оно не завершено и не завершится - оно продолжается до сих пор, каждый день) мне расхотелось уезжать. До меня начало доходить, что я живу ровно там, где нужно, что все совпало идеально.

А раньше считал, как и все, что из Владивостока надо обязательно уехать. Добрая половина одноклассников и однокурсников в Москве, Петербурге, за границей. «Ты почему еще здесь?» - слышу иногда. «Мне здесь нравится», - отвечаю я, и это звучит неубедительно. «Вы еще молодой, а потом все поймете и уедете», - говорят мне. А иногда даже передают слух, что я уже уехал...

«Владивосток - лучший город Земли», - спела местная неподцензурная группа The E-Ball. Население Владивостока упрямо держится на пиковой позднесоветской 600-тысячной с хвостиком отметке - но это за счет того, что сюда едут из сел, с дальневосточных северов... А отсюда по-прежнему уезжают на Запад. За деньгами? За карьерой? Да. Но есть еще трудноуловимый момент психологического характера, нечто вроде «синдрома вахтовиков». Чехов уловил это сходу, прожив свои три меся-

в литературном смысле. Да и китайцы, вопреки московским представлениям о «желтой угрозе», на Российский Дальний Восток тоже не рвутся.

...А может, это еще порт влияет: корабль не должен стоять на приколе - он живет, пока ходит по морям.

«Уходим, уходим, уходим...» - спел главный музыкант Владивостока Илья Лагутенко. Но он же спел и другое: «Мы остаемся навсегда».

А уехавшие из Владивостока навсегда остаются его агентами влия-

«Мне чайки здесь запели на знакомом языке...»

Открытый закрытый порт и его секретный код

ца на Сахалине. Он сформулировал эту составляющую ментального портрета дальневосточника так: «Предубеждение против места».

Предыдущий губернатор Приморья обещал: Владивосток превратится в 5-7-миллионный мегаполис. Но в России лишних людей нет - разве что

ния, среди которых бывших не бывает.

Возможно, покидать Приморье нужно именно для того, чтобы появилась возможность вернуться.

Перелет Владивосток - Москва всегда воспринимался мной как переход в иное измерение - не просто механическое перемещение тела из одной точки в другую. А когда летишь обратно и просыпаешься уже где-то над сопками Сихотэ-Алиня, накрывает кисло-сладкое, как китайский соус, ощущение возвращения домой. Понимаешь, что не надо ничего формулировать, потому что любые слова слишком условны и неточны. Зато твое Приморье - вот оно, под крылом, и ты временно чувствуешь себя одним из верхних людей, к которым рано или поздно уходят приморцы. И там встречаются своих.

Многие города появлялись как бы сами по себе - в устьях рек, у пересечения дорог, а Владивосток нужно было придумать. Как роман, как фильм, как арт-проект. Его появление в нынешнем виде не было предопределено. Он мог появиться в виде китайского Хайшеньвзя или английского Порт-Мейя. Даже после закрепления нынешнего Приморья за Россией власти долго сомнева-

Досье «УГ»

Василий АВЧЕНКО, журналист, писатель. Родился в 1980 году в Иркутской области, вырос и живет во Владивостоке. Автор книг «Правый руль» (2009), «Глобус Владивостока» (2010), «Владивосток-3000» (2011, в соавторстве с музыкантом Ильей Лагутенко), «Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы о воде и камнях» (2015). Печатался в журналах «Знамя», «Москва», «Двина», «Нижний Новгород», альманахах «Рубеж» и «Енисей». Дважды финалист литературной премии «Национальный бестселлер», финалист премии «НОС», лауреат премии Ильи Кормильцева. Произведения Василия Авченко дважды попадали в лонг-лист Национальной литературной премии «Большая книга».

Восточные ворота России

лись: где именно расположить главную тихоокеанскую базу империи? В Николаевске-на-Амуре? В Порт-Артуре?

В город, названный Хрущевым «советским Сан-Франциско» (впрочем, задолго до Хрущева то же сравнение поочередно выдали Джойс и Эренбург), всегда тянулись пассионарии, маргиналы, авантюристы: военные, ссыльные, моряки, рыбаки, поэты, естествоиспытатели... За свою короткую - всего две человеческие жизни! - историю Владивосток успел побыть военным постом, порто-франко, значным местечком с азиатской Миллионкой, офицерским «клубом ланцетупов» и футуристским «Балаганчиком» в придачу, бело-говардейско-интервентским гнездом, главной базой Тихоокеанского флота, закрытым, а теперь и «свободным» портом...

Владивосток несет в себе секретный шифр. Приморье - этот драгоценный аппендикс империи, «дивный тупик Руси» (формулировка Ивана Елагина, поэта владивостокских корней) - открывается не сразу. Вся эта территория будто кодированный текст, клинопись, хазарские письмена. Само пространство передает нам определенные смыслы, а мы в свою очередь пытаемся наделить его уже новыми, нашими смыслами.

Я живу во Владивостоке всю жизнь, но порой сам сомневаюсь в том, что этот город-фантом действительно существует. Когда он прячется в тумане, каждый раз опа-

саешься, что он исчезнет насовсем, как растворившийся мираж.

Есть две широко известные фразы о Владивостоке поистине римской афористической чеканки - на все времена. Имею в виду слова Ленина о том, что Владивосток «далеко, но город это нашенький», и строчку Высоцкого «открыт закрытый порт Владивосток». Два Владимира каким-то верхним гениальным чутьем уловили матрицу нашего города. Или не уловили, а сформировали?

С 1992 года Владивосток открыт - но не для всех. Он, как современные городские малолитражки, изнутри гораздо больше, чем снаружи. Причем и в самом прямом смысле слова тоже: сколько осколков старого города прячутся в центре, казалось бы, исхоженном до метра! Забрeдeшь иногда куда-нибудь - и в который раз удивишься.

Важные составляющие ДНК дальневосточных территорий - «военное» происхождение, соседство моря, тайги и Азии.

Вот как в рассказе «Два снайпера» сформулировал это ощущение писатель Рувим Фраерман, успевший в Гражданскую попартизанить на Амуре:

«Я спросил у него, почему он так стремился на Дальний Восток. Он ответил:

- Здесь - граница и ближе враг. - Потом, подумав немного, добавил: - Тут есть виноград и кедр».

Вот оно: передний край плюс экзотика.

Приморский край в нынешних его границах родился после (и вследствие) хасанских событий 1938 года. Боевые действия на приграничных сопках были муками его рождения.

Владивосток - стык противоположностей, место тектонических и культурологических разломов и столкновений. Это граница России и Китая, севера и юга, Европы и Азии (она давно проходит не по Уралу, а именно здесь - в Японском море, на погранпереходах в Туманган и Хуньчунь). Граница суши и моря - твердой и жидкой стихий, над которой воюют стихии газообразные.

Владивосток переливается, как извлеченный из воды кальмар, рождая о себе удивительные коралловые мифы, в отношениях которых так называемой реальностью не хочется разбираться, чтобы не убить волшебство.

Многим хочется верить в то, что по Владивостоку разгуливают табуны тигров и толпы китайцев. И очень не хочется верить в скучную правду: редкие тигры и еще более редкие леопарды прячутся в тайге, а китайца трудно отыскать среди среднеазиатских гастарбайтеров.

Сначала я пытался развенчивать эти мифы, а теперь все чаще предпочитаю их поддерживать. Правда ли, что Владивосток связан секретным тоннелем с островом Русским? Правда ли, что здесь родился голливудский супермен Юл Бриннер и умер поэт Мандельштам? Правда ли, что лейтенант Шмидт не вылезал во Владивостоке с гауптвахты, юный

Штирлиц внедрялся в белую элиту, а Сонька Золотая Ручка торговала квасом? Ответы не нужны. В городе, населенном в том числе и мифическими фигурами, жить интереснее. Он приобретает дополнительное измерение, становится территорией 5D.

Владивосток не дает горожанам надолго забыть о дикой природе. Он весь на сопках, он с трех сторон окружен морем, так что сложно отыскать точку, откуда не был бы виден океан. Если выпадает снежок - наступает «день жестянщика» и транспортный паралич. Если начинается дождик - он может оказаться тайфуном. Весной, когда ломает лед на заливе, рыбаков на льдинах уносит в море, и за их спасением город надолго закрывает из окон.

Японские тайфуны, солоноватые туманы и китайско-монгольские пыльные бури из Гоби; чеховский кит и загадочная рыба ивася, о которой писали Аркадий Гайдар и Павел Васильев и которая покидает нас на десятилетия, чтобы вернуться и выручить в трудный год; форштенни, паруса, свинцовые эсминцы, антрацитовые подлодки-«варшавянки»... Все это Владивосток, Приморье, Япономорье и Охотоморье.

Отдельная стихия - тайга: кедрач и лимонник, маньчжурский орех и амурский бархат, южные звери, словно за какие-то грехи предков сосланные в снега Сихотэ-Алиня. Пришвинские камень-сердце и олень-цветок. А в недрах дальнегорских сопок - малахитовой красоты (не было у нас своего Бажова, а жаль) скарны...

Останавливаюсь, потому что могу увлечься.

Впрочем, давно увлекся.

Владивосток - город южный, он расположен на одной параллели с Сочи, Неаполем, Грозным. Но это по карте. «Широта крымская, долгота колымская» - невесть кто невесть когда определил суть этих мест настолько точно, что короче и емче некуда. Во Владивостоке не бывает континентальных морозов, но с нашими ветрами и влажностью и минус десяти хватает, чтобы окоченеть даже дубленому сибиряку. Зато летом в здешние воды заглядывают, например, теплолюбивые фугу - самурайское лакомство. Приморье - гибрид Востока и Запада, Севера и Юга. Для меня Приморье не край, а центр мира, вокруг которого вращается все остальное. У нас есть

Ливадия, есть Новая Москва. Есть Полтавка, Киевка, Черниговка и даже Крым, Дунай, Южная Лифляндия. У нас все есть; Приморский край - Россия в миниатюре, ее запасная модель. Со своими Уралом и Байкалом - Сихотэ-Алинем и Ханкой, своими Сибирью и Черноморьем - дебрями Арму и пляжами Хасана, своими полями, тайгой и сопками. Сплетение судеб и идей - солнечное, как владивостокская зима.

И в то же время это действительно край, кромка. Владивосток прикрыт с моря Русским островом, но и все Приморье - русский остров в большом Японском море.

На карте Приморья соседствуют украинские, «туземные», китайские, дореволюционные русские и советские топонимы. Некоторые старые имена не поддаются, прикипев к территории навсегда. Бухта Шамора так и не стала (и уже не станет) Лазурной, реки Лефу и Суйфун до сих пор не уверены, что их новые имена

имена, как будто не знает, как его зовут по-настоящему. Эта земля входила в государство Бохай, Золотую империю чжурчжэней, Российскую империю, Дальневосточную республику, Советский Союз... Ее называли Уссурийским краем, Приморской областью, Зеленым Клином и Закайтииной. Кстати, в китайской системе координат Приморье - часть «Внешнего Дунбэя».

После выдачи Приморью русского паспорта прошло каких-то полтора века - но здесь уже в несколько слоев лежат наши кости, из-за чего мы можем по праву называть себя коренными жителями этих мест.

Ни один филолог точно не знает, как сказать «владивостокцы» в единственном числе. А тем более - в женском роде. Возможно, у нас что-то вроде кризиса самоидентификации.

Тем сложнее тем, кто смотрит со стороны, издали.

Бухта Хасанского района

Фото Василия АВЧЕНКО

- Илистая и Раздольная. Это называется «сопротивление материала», но ведь и опираться можно только на то, что сопротивляется.

Сохранившиеся от неведомого прошлого названия лучше всего отражают особенность этой земли. Хорошо, что не все из них были стерты с географических карт после конфликта с Китаем на острове Даманском в 1969 году. Остался, например, роскошный Сихотэ-Алинь. Осталась река Уссури, на которой и находится тот самый Даманский - теперь Чжэньбаодао, «драгоценный остров».

Само Приморье то и дело меняет

Владивосток надо уметь читать между сопки. Для этого нужно правильным образом настроить оптику.

Считается, что имя «Владивосток», придуманное Муравьевым-Амурским, сконструировано по образцу «Владикавказ» и означает «Владеть Востоком». Но этот графский неологизм начинен, как брюхо прожорливого большеротого морского бычка, и множеством других смыслов.

Владивосток - это исток, восторг, кровосток. И еще - «диво». Запрятанное от чужих случайных глаз в самую сердцевину, между «вла»(стью) и «стоком».

фото Марины СВИННОЙ

Светлана МИХЕЕВА

Вечерние горы

Боюсь, что я на них похожа,
На эти горы в долгой мгле,
На все, что вертится и может
Еще вертеться на земле.
Оно, слагаясь в мир порядком,
Непредсказуемым почти,
По растерявшимся распадкам
Несет сырое конфетти.
Блестит, что та патриархия,
Поймав в ловушку образа -
Глядят во времена глухие
Их розоватые глаза.
Они погибнут, их положат
Без опознания и следа
В саду камней, где воздух строже
И требовательней вода.
Где освещает лед окошка
Писатель старый, сердцем чист,
Пиликает его гармошка:
Иисус первейший коммунист.
Хоть все давно уже минуло,
И что ни образ, то офсет.
С какого страшного загула
Он отсыпался сотню лет?
Во сне ему пришла картина:
Печаль, терраса, южный дом,
Седая совка Агриппина
Накрыла краешек крылом,
Накрыла все, что только может
Еще вертеться на земле,
Меня и эти горы тоже,
И снег летучий в общей мгле.

Больница в губернаторском саду

Заката багровый кочет
Кричит, замолчать не хочет,
Распахивает крыла.
Ветра ругались до хрипа,
Сегодня мокрые липы
Раздевшие догола
Под визги садовых «скорых»
(Приправы и черный порох
Китаец хранил в мешке).

Заката багровый кочет

Предместью в угаре метко
Осенью - табуреткой
Шарахнуло по башке.
Стоит в кровище, рыдает
Прохожему надоедает,
На ломаном языке.
Прохожему мниться: кочет
Никак замолчать не хочет
И блеклой кровью мочит
Заточку в его руке.

Золотомойщик июнь намыл
Желтый налет акаций.
Туда, где ты кого-то любил
Лучше не возвращаться.

Это уже не тот коленкор,
Город не тот. Он рыба,
Проглотившая дом и двор,
Где вы стоять могли бы.

Выцвела лента ее реки.
Сам ты древнее инка,
Провинциальные голубки,
Мягкая серединка.

Здешний садик одет в старье,
Приоткрывает дверцу:
Контур дерева как копьё,
Вросшее в чье-то сердце,

Досье «УГ»

Светлана МИХЕЕВА, поэт, прозаик, эссеист. Родилась и живет в Иркутске. Окончила Литературный институт им. А.М.Горького. Автор нескольких книг стихов и прозы. Пишет также и для детей. Стихи и рассказы печатались в журналах «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Волга», «Сибирские огни», «Юность». Лауреат Волошинского конкурса в номинациях «Поэзия» и «Проза». Организатор культурного проекта «Поэты в городе». Член Союза российских писателей. Руководитель Иркутского регионального представительства Союза российских писателей.

С глаз упрятанное в мокрец.
Боль ничего не значит.
Морщит личико пруд. Подлец,
Точно, сейчас заплачет.

Завернула тревога своих омулей
В голубое сукоңце,
Окунулось в бесчувственный воз
дух полей
Расписное пасхальное солнце.
Все, что рыщет весной по великой
грязи

Наблюдая небесные хляби,
Настоятельно ноет: ложись
и ползи,
Видишь, солнце, особенно если
вблизи,
Жарит лучше, чем в Абу-Даби.
Вон араб, завернув в полосатый
халат

Длиннобокое узкое тело,
Совершает решительный свой
газават
Посреди твоего чистотела.
Подрезает лисички, в лукошко
кладет.

Между сосен надменно хромает.
Конь его терпеливый задумчиво
ждет,
О пустыне волнистой мечтает,
Где лисичкой созрел ядовитый
самум,

Удивлявший подвижного грека,
Где, как может понять
незатейливый ум,
Влажно только внутри человека.
Это значит, возможно, что,
Боже ты мой,
Сколько рыбы живет в человеке!
А у нас накрывает прозрачной
зимой

Точно крышкой речушки и реки.
А у нас, надевая занятный наряд,
С бодуна и, похоже, без цели
Пробирается лесом счастливый
солдат
Между огненных изб, между
мазанных хат,

Юрт, похожих на карусели.
А на Пасху гудит в нашем царстве
воды,

Забирая в себя понемногу
И пустынный самум, и вершины,
и льды,
И простые дела, и большие труды
В подношение озерному богу.

Благородные лопухи,
обнищавшие Цинции,
Выйдем в люди, было бы что
надеть.
Это неважно, что мы сидим у себя
в провинции,
Без ущерба можем хоть где
сидеть.
Мать-история распределит
гостинцы
Всех, что в остатке, бесстрастно
дождет прогресс,
Так что даже и в нашей глухой
провинции
Скоро поэтов будут ценить на вес -

Книжные магазины у нас
роскошны,
Есть мастера по взвешиванию,
есть мастера по лжи.
Бродит Анубис, надел на башку
кокошник,
Палочкой машет: умер, так
и лежи!
Умер, так и лежи, не воняй,
не вякай.
Слева алтайские горы, справа -
Мунку-сардык,
Духи степей и гор приглашают
тебя, однако:
Совершай анабазис, заходи
напрямик.

Дальность душевных стран-
ствий напоминает кому,
Сохраняет видимость тайны,
распространяет запах
человеческого жилья.
В воздухе - огонь и пот. Духи
киряют сому,
Сидя тут же за столиком у ручья.
Куколкой зреет дом, в нем
разбухают доски -

Не шиповник, которым
провинция заросла,
Просто я голос твой, который
вода качает,
Просто я тайна та, что посеячас
цела,

Тайна другой души, собранной
из остатков,
Между полем и степью скорбная
стрекоза.
Глядя на нас таких, вечных
времен упадка,
Бог Европы выплакал все глаза.
Как разделитель линию, апофему
Из своей провинции, из угла,
Между Нечто и временем
Вифлеема,
Нас отражает западная поэма,
Нас отражают кайласские
зеркала.

Сероглазый Красноярск

Иван КЛИНОВОЙ

Красноярск

1

Бесфабульный город... Здесь улиц
фаланги
И зелень назойливо лезут в глаза,
Как будто зеленкой намазаны
ранки,
Но детство прошло уже вечность
назад...

И ныне мой город, как оспой,
изрытый
Канавами вечных ремонтных
работ,
Живет, словно жуткий пейзаж
«Аэлиты»,
Живет, умирая, и наоборот.

Вокруг недостроенных зданий
глазницы -
Гостиницы грустноживущих
бомжей -
Глазят, как кляксы на чистой
странице,

А воздух тоскует без прежних
стрижей.

Святой Кока-Колы огромные
фрески
И грубые фаллосы труб
заводских,
Внезапных наружных реклам
арабески -

Так входит мой город
в расхристанный стих.

Бесфабульный город...
Рассудочный, русский...
До судорог сердца и грязи дорог,
До хвостика серой смешной
трясогузки,
Мне все-таки дорог мой яр, мой
острог.

2

Ненавижу и люблю...

Катулл

Химера города, опять к тебе
приник,
Твой ученик, глотая горький
воздух,
Я, выросший среди стрижей
и книг,
Читая завещанье девяностых,

В тебе распутываю старые
клубки
Крамольных переулков,
перекрестков,
Которые единственно крепки
Лишь матами сегодняшних
подростков.

Но в длительных прогулках средь
домов и труб
Я ноги промочил, меня продуло,
И потому все чаще рвутся с губ
Те два глагола мукою Катулла.

3

И смех, и грех, и град - в одном
стакане,
Нырнувшем в сероглазый
Красноярск
И зачерпнувшем грохота и
зданий,
Мезги и рака, судорог и дрязг.

И гром свои рекламные тирады
На все лады раскладывает так,
Как никогда, и в каждом доме
рады
Встречать громокипящий
кавардак.

А небо так и сыплется кусками
На Красноярск, и вот уже ручьи
Свои клубки распутывают сами,
Их спросишь: «Чьи?», они в ответ:
«Ничьи».

Кончается. Касается фасада
Осколок радуги легонько, и
за ним
Плывет среди расплавленного
сада
Озон грозы вдохнувший мезонин.

4

Твой город - влюбчивый бетон
(срока звучит почти
крамольно),
Но переулочек, как питон,
Гипнотизирует неволью.

Идешь, воды набравши в рот,
Но озорные бандерлоги
Берут мгновенно в оборот,
И ты едва уносишь ноги.

Сто площадей перелистнув
И нагулявшись, так по-царски,
Домой вернувшись и уснув,
Ты видишь сны о Красноярске.

А за твоим окном цветут
Бенгальские огни фонтана,
И в джунглях каменных ревут
Маршрутки голосом Шер-Хана.

* * *

Шумит кофейня, словно стоя
чаек,
Случайные прохожие в окне
Мелькают, ничего не замечая:
Спешить сегодня, как всегда,
в цене.

Досье «УГ»

Иван КЛИНОВОЙ, поэт. Родился в 1980 году в Красноярске. Дипломант «Илья-премии», лауреат Фонда им. В.П.Астафьева, лауреат премии им. И.Д.Рожественского. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Новая юность», «Интерпоэзия», «Ното Legens», «Октябрь», «День и ночь» и др. Автор книг стихов «Шапито», «Античность», «Осязание», «Латте-арт», «Варкалось». Член Союза российских писателей, член Русского ПЕН-центра. Живет в Красноярске.

А я люблю от суеты и спешки
Сбежать за кружку латте
на часок.
И в Красноярске нет другой
кафешки,
Где был бы я так чудно одинок:

Порой сижу, и в плеер - с головою.
Бариста кофе так навоlhовал,
Что город со своею суетою
Проглядывает лишь едва-едва.

И музыка, которой полон плеер,
И латте, полный пепла и огня,
И сигарета, что тихонько тлеет,
От суеты отгородят меня.

* * *

На горе, на ветру строят церковку
странные люди.
Каждый день прохожу мимо
стройки, и страшно смотреть.
В этом мире, где каждый уверен
в себе, но подвержен простуде,
Не под силу простым кирпичам
все озябшие души согреть.

И когда на земле, из которой
ни соли, ни света
Мы не взяли еще (да и вряд ли
сумели бы взять),
Поднимается церковка,
медленно, словно на это
У нее не хватает ни сил,
ни желанья, то где-то
Опускаются руки и глаз
не поднять.

* * *

Я пью таблетку за таблеткой,
Но головную боль унять
Не получается. Соседка
Пришла еще сто рэ занять.

А день, по-моему, обычный.
В окне моем - шоссе и ЛЭП,
Немного снега, дом кирпичный
И старый магазинчик «Хлеб».

Но в этом мире нет чего-то,
Чему бы радовался глаз,
Кругом у всех одна забота:
Набить карманы про запас.

И все соседкины беседы
Про цены, грипп и мордобой
Мне надоели. Эти беды
Не стоят боли головной.

На подоконнике безбожном
Цветет нездешний бальзамин,

И в этом мире невозможном
Я остаюсь совсем один.

Два отрывка

Яр, от реки отламываясь,
движется...
Роман Солнцев

1

Вывернув серебряные корни,
Наклонилась ива над рекой,
Кажется, что нет ее покорней...
Только я, пожалуй, не такой.

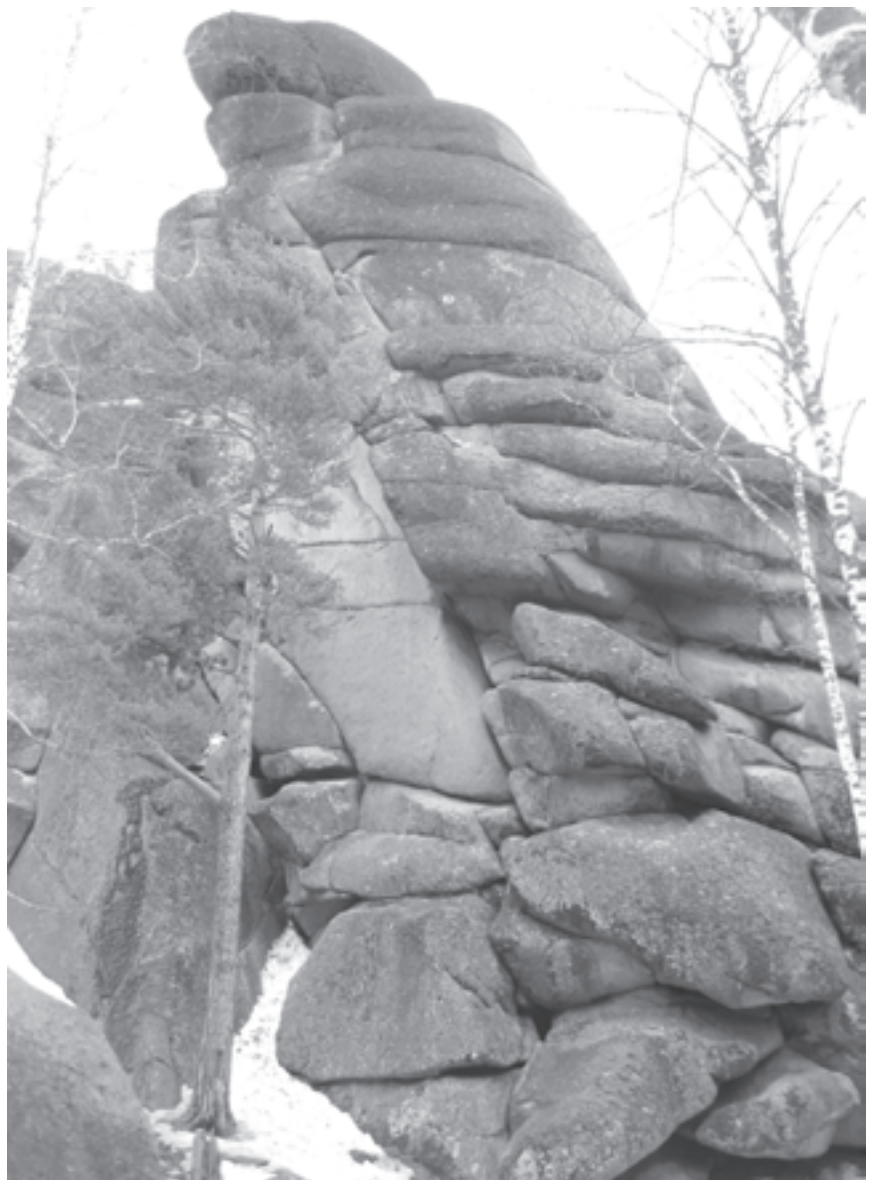
Я вопьюсь корнями в землю яра,
Где скворчали надо мной стрижи,
Чтобы до последнего удара
Сердцу было, чем дышать и жить.

2

Вот ведь родина-ссылка - Сибирь!
Как острожный, люблю эту
землю,
Потому что иной не приемлю.
Мне и вправду боярин-снегирь
Соловья заводного милее.
Я стою на яру Енисея
И не знаю на кой эта ширь.

* * *

Наполнена густою ночью
склянка.
Наклонена и льется тьма,
как мед.
Поскрипывает звездная
шарманка,
Тихонько приближая новый год.
Как на посту, стоят автомобили,

Нерукотворное чудо красноярских Столбов

Припоминая каждый поворот.
Водители, что лишнего хватили,
Спокойно спят, им снится Новый
год.

След на снегу, как будто знак
вопроса.
Окошко держит градусник во рту.
Кукушка из часов не кажет носа,
Забыв, что тоже, в общем,
на посту.

Не думаю, что жизнь проходит
мимо:
Фонарь к себе притягивает снег,
А время, постоянно и незримо,
Притягивает каждый человек.

* * *

Душный день. И пыльная
поземка.
Никуда не хочется идти.
Мельтешащая речная кромка:
Руку протяни - уже в горсти.

Пташки, словно стая ребятишек.
Детвора, похожая на птах.
Папы вынимают из подмышек
Трубочки газет и мнут в руках.

Парочки влюбленных - не иначе! -
Прячутся в раскидистых кустах..
Воздух тяжелеет - это значит -
Если не за совесть, то за страх...

Молнией природа огрызнется,
Всплучит кручи туч и вдруг родит
Лучик нержавеющей солнца
Перед тем, как рухнет сам зенит.

Здравствуй, дождь! Пусть люди
разбегутся!
Я останусь. Некуда идти.
Набережная. Светло и пусто.
Речка пополам с дождем в горсти.

* * *

От весны до весны проживая
сибирские сны,
Мы становимся беглыми
гласными каторжной речи,
И негласно согласны почти
на любое увечье,
Лишь бы смыслы речений всегда
оставались ясны.

Сумасшедший язык, из которого
лезут стишки,
Словно свежее тесто в тепле,
от которого тесно!
Небу надо поспать - и раскрыта
кровать, будто бездна...
Небу надо поспать - и не будет
конца у строки...

* * *

Снег раздвигает границы мира.
Молишься ТЭЦ и чуть меньше -
пледу.
Новый, горячий, из-под копира,
День остывает уже к обеду.

В луже ледок - можно даже
бриться,
Глядя при этом в другую лужу.
Все, кто порхали в лоскутном
ситце,
Предпочитают - хорьком наружу.
Если не верить, что свято место
Скользко и пусто, тогда все
просто:
Можно греметь человек-
оркестром
И с высоты небольшого роста.

Если забыть, что твоя квартира
-
Крепость, где стены себе дороже,
Снег раздвигает границы мира..
Или сужает, что тоже может.

* * *

Продышать окошко, взглянуть
на градусник
И опять не увидеть ни риски
радости,
Что хотя б на чуточку
потеплело,
Ведь мороз не гейгер - вот так
потрескивать,
Заставляя двигаться лишь
отрезками,
Как слова меж клавишами
пробела.

Все равно тепло никуда
не денется,
Не замерзнет наживо красна
девица,
И рубанком ветра всю стружку
стешет
С нас (зимой - куркулей
и лодырей),
Чтобы мы напозировались
до одури
Для картины маем «Весна и
те же

* * *

На станах веток ноты почек,
И пахнут музыкой стволы,
И обтекает одиночек
Толпа, стремясь во все углы,
И щебень птиц под каблуками,
И мошкары в кармане звень,
И можно Енисей руками,
А можно с головою в тень,
Все заполошней и шустрее
Фонтана выпуклый зверек..
Но тленье музыки не греет
Тех, кто в толпе, как островок.

Сибирская тайга как она есть

Фото Анны Хрустальной

Михаил ТАРКОВСКИЙ

Ничто так не изматывает, как сборы на охоту. Казалось бы, все уже приготовлено, собрано, увязано, громоздятся в сених мешки и ящики, и вдруг выясняется, что нет какой-нибудь пробочки от бензобака, и тогда начинается...

Тук-тук.

- Да-да!

- Здравствуй, Галь.

- Здравствуй, Миш.

- Как дела?

- Помаленьку.

- Мужик где?

- В мастерской.

Тук-тук.

- Да-да!

- Здорово, Петрух.

- Здорово.

- Как дела?

- Помаленьку.

- Так-так.

- А что хотел?

- Да вот в тайгу собираюсь - крышечку ищу.

- От бачка?

- От бачка.

- Была у меня крышечка, да Вовке отдал - он в тайгу собирается.

Проходишь по раскисшей от дождей деревне полдня, так и не найдя крышечку, устанешь, как пес, а по дороге к дому встретишь какого-нибудь Генку-пилорамщика с трехлитровой банкой, который скажет тебе, положив беспалу ладонь на плечо:

- Плюнь ты, Миха, на эту крышку.

Дерни-ка лучше браженции.

Дернешь браженции, и сразу оживет и зашевелится плоский серый Енисей с торопливой самоходкой, солнце поведет золотым лучом из-под тучи, осветив высокий яр с пожелтевшей тайгой. И сама собой придет в голову мысль: «Возьму-ка я лучше бутылочку да зайду к Толян».

Осень

- Молодец, что зашел, - обрадуется Толян, - а то эти сборы уже в печенках сидят. Обожди - рыбы принесу.

Посидишь с Толяном, закусишь малосольной селедкой, поговоришь о том о сем, о делах, которые, как ни старайся, все на последний день останутся, глядь - давно уж темно и домой пора.

- Не забудь, - скажет Толян, поднимаясь, - фуфайку. В прошлый раз оставил.

- Вот голова дырявая. Столько дней в старой хожу. Спокойной ночи.

Возьмешь фуфайку под мышку и выйдешь в темноту. Утром, готовясь к продолжению вчерашних поисков, без аппетита попьешь чаю, наденешь сапоги, накинешь пропавшую фуфайку и выйдешь из дому, раздумывая, к кому бы направиться. А рука нащупает в кармане круглый железный предмет - крышечку от бачка.

Досье «УГ»

Михаил ТАРКОВСКИЙ, поэт и писатель. Родился в 1958 году в Москве. Окончил Московский педагогический институт им. В.И.Ленина по специальности «география/биология». В 1981 году уехал в Туруханский район Красноярского края, где работал сначала полковым зоологом на биологической станции, затем охотником в с. Бахта и где живет по настоящее время. В 1991 году окончил Литературный институт им. А.М.Горького, семинар поэзии В.Д.Цыбина. Автор стихов, рассказов, повестей, очерков. Лауреат премий журналов «Наш современник», «Роман-газета», «Новая юность», а также премий Белкина, Соколова-Микитова, Шишкова, Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» и «Ясная Поляна». Автор книг: «Стихотворения», «За пять лет до счастья», «Замороженное время», «Енисей, отпусти!», «Тойота-креста», «Избранное», «Сказка о Коте и Саше». Главный редактор альманаха «Енисей». Член Союза писателей России.

2

В ту пору весь год у меня проходил в заботах: то лес несет - грех не поймай, то надо избушку срубить, то мужикам с сеном помочь. И я всегда с надеждой ждал осени, чтобы добраться до книг. Из города мне прислали их целую кучу, часть я отобрал в тайгу и уложил в большой с железными уголками ящик. Были там книги по философии, по истории, чужой, взятый под честное слово Бердяев, Марсель Пруст, Хлебников, Леонид Андреев и многое другое, в частности, прекрасно изданный сборник стихов Бухалова с автографом. В том же ящике лежало еще кое-что из ценных, более прозаических вещей: пульки для тозовки, батарейки, приемник. «Что ни говори, собрание своеобразное», - посмеивался я, гадая, вытерпит ли, к примеру, глянцевитый Набоков соседство запасных портянок, и с нетерпением представлял, как в какой-нибудь дождливый день с раскисшим снегом и неприятно теплым ветром залегу на нары и нащупаю на отяжелевшей полке корешок, как потяну его, и при этом соскользнет и свалится на меня соседняя книга, потом еще одна или две, и как я не спеша выберу какую-нибудь одну, небольшую, в крепком переплете, и открою первую страницу.

Осень шла хорошо. После дождей, на руку нам поднявших воду в Бахте, установилась ясная погода с задумчивым и студеным северным ветром, с ночной коркой на лужах и застывшей грязью в ледяных стрелках. Утро отъезда выдалось холодным и таким туманным, что едва видны были камни на берегу. Долго подошла, тарахтя, невидимая самоходка, наконец гуднула и отдала якорь, громыхнув цепью.

Прибежал Толян, сказал, когда ждать трактор. Лицо его было озаченным - в последние дни все не ладилось. То пошел дождь, едва начали смолить лодку, то выключили свет, когда собрались подварить отвалившийся ус к ограждению для мотора.

Пришел трактор с санями, мы погрузили на них мешки, ящики, бочки и в последний раз прокатились по дороге. При выезде из очередной ямки, по края заполненной

булькающей жижей, чуть не упала бочка с бензином, которую Толян удержал, вскрикнув: «Куда - постой!»

И вот на берегу уже чистого от тумана Енисея стоят возле горы груза несколько человек, скулят привязанные собаки, а на воде чуть покачиваются две длинные, остроносые, черные, как головешки, деревянные лодки. Вот и все. А дальше - лиловый дымок за мотором, длинная коса и поворот. А за поворотом минеральная синь бахтинской воды, рябь бегущей гальки под бортом и внезапно остановившийся Толян. Подъезжаешь к нему тихо и осторожно, чтобы не утопить сидящую по самые борта лодку, так тихо, что слышен отдельный стукоток каждого поршня, вопросительно киваешь, а он кричит: «Да заглуши ты его!» - и достает из рюкзака бутылку спирта. И появляется кружка, пахнувший пекарней белый хлеб, рыжая стерлядка в газете, и тепло из желудка расходится по всему телу, перерастая в ощущение ровной и долгожданной свободы. Вот дрогнули в глазах и окрепли с новой силой и прелестью кастрюлька с инструментами, корена-

стая фигура напарника, рыжая лиственница на берегу, и уже получили собаки по шершавой стерляжьей шкурке, и далеко по синей воде уносится ветер кораблик скомканной газеты.

Ехать долго. Заночуешь где-нибудь у Ганькина порога. Утром встанешь, выйдешь из избушки: падает лист с березки, свистит рябчик. С угора как на ладони виден порог в черных точках камней. Река большая, вид у нее пустынный из-за широких паберег, покрытых жухлой заиндевелою травой.

С каждым поворотом сильнее уклон. Дно видно почти везде - вода очень прозрачная. В зависимости от глубины она имеет разный цвет. По широким мелким перекатам течет крученой дымчатой пленкой, под порогами бродит по кругу черным стеклом. Поверхность глубокого плеса даже в пасмурный день зеркальная, но, свесившись за борт, сквозь зыбкий иллюминатор своего отражения увидишь в зеленой мгле плиту с трещиной и яркий обломок березы. Помню, поставили мы сеть в одиннадцатиметровой яме, в тени одного скалистого закутка, и, подье-

хав проверить, были поражены зрелищем: далеко внизу, чудно искаженные зеленоватой водой, под круглыми, как монеты, берестяными поплавками висел десяток в гамачном оцепнении замерших щучар.

Погода нас продолжала баловать. По утрам на галечные косы вылетали глухари и, неподвижно выгнув шеи, следили за приближающимися лодками. Встречались стаи уже торопящихся на юг уток: крохалей и гоголей. Образовавшийся за семь сезонов охоты Толян называл глухарей петрашевцами, а гоголей - Николаями Васильевичами.

Был хороший момент: Толян, пройдя, или, как говорят, «подняв», шивёры, лихо сшиб налетевшего Николая Васильевича, а я, идя сзади, так же лихо поймал его почти в сливе, едва не зацепив мотором мрачный камень с развевающейся зеленой бородой.

Надо заметить, что катание по порогам перестает быть захватывающим занятием, как только в лодке вместо чьей-нибудь любознательной племянницы оказывается тон-

на вашего собственного груза, который желательно довести до участка и не вывалить в какой-нибудь верхний слив Косого порога.

Подъезжая к порогу, издали видишь: там что-то происходит. Кажется, будто отчаянно машут впереди чем-то белым. Привстав из-за груды мешков, глядишь на приближающуюся ослепительную кашу и сбавляешь обороты. Лодка переваливается через волны, ходят борта, как живые. Вот налегаешь на румпель, сопротивляясь большому водовороту, вот огибаешь грозный хвост слива с высокими стоячими волнами и зависаешь под защитой треугольного камня в голубой газированной воде. Вот врезаешься в струю и медленно ползешь по ней, пока наконец не оказываешься со всех сторон окруженным озверевшей водой. Вот мотор громко взрывает, хватив воздуха, лодку начинает сносить назад, но ты сбрасываешь газ и, вцепив винт в воду, снова, озираясь, двигаешься вверх, вот морщишься от резкого удара - откидывается мотор, и пока он, огрызаясь, ползет по камню, начинает заваливаться нос, но все обходится, и ты, надав газу, успеваешь выровнять лодку, а впереди уже видны две горбатые глыбы, клин упругой воды между ними и масляная гладь плеса.

По плесу во всю ширь медленно плывет рыжая лиственничная хвоя. Плавню спускаются к каменистым берегам пестрые осенние склоны, и вот место, где когда-то передо мной предстала картина, которая и в старости будет волновать меня до озноба: в синеватом воздухе мыс с нависшей елью и далекая нежно-желтая сопка...

Уже нос лодки поравнялся с верхними глыбами, как вдруг из общего рева выпал звук работающего мотора, и стало тихо, хоть порог и грохотал во всю мощь. Лихорадочно держа шнур, я успел заметить и запомнить, как лодка, теряя скорость, на долю мгновения застыла на месте и как дохнуло от этой заминки потусторонним холодком. В тот же миг меня понесло обратно; кажется, я успел только поднять мотор, и развернувшуюся лодку со всего маху шарахнуло середкой о камень. Помню, как она валится набок, как летят за борт веером инструменты вместе с кастрюлькой, как выпрыгивает бочка с бензином, бачок,

мешки, и вот уже лодка, колыхаясь, сидит на камне с остатками груза, полная воды, а я вишу снаружи на борту и одной рукой отчерпываю воду уцелевшим ведром. Помню, как, упершись ногами в камень, помогаю ей сняться, как запрыгиваю, как все отчерпываю ее этим новым и блестящим ведром и как выносит меня из порога навстречу Толян. Толян одной рукой держит румпель, другой пытается остановить пляшущую у его борта бочку, а сам кричит:

- Все поймал, только сундук утонул!

Мне повезло. О более высокий камень лодку сломало бы пополам, а так она просто скинула лишнее и с моей помощью сошла на воду. Тогда я об этом не думал. Хотя уцелело все: и оружие, и пила, и лыжи, и остальные ящики, а из хлеба получились отличные сухари, сладкие от пропитавшего их сахара, потеря сундука с книгами была для меня настоящим горем. Лучше бы какой-нибудь рис утонул, думал я и отчетливо видел не занятый обработкой пушнины вечер после неудачной охоты, когда все дела переделаны, сторожки для кулемок заготовлены на несколько лет вперед, все надоело и хочется только одного - живого человеческого слова. Кроме потери

книг удручал еще и сам позор приключившегося: вроде бы столько лет хожу по Бахте, и вдруг такая промашка. И хотя с виду я был не виноват (сам заглох, дармоед железный!), совесть моя была не чиста: слышал же я пятьюдесятью километрами ниже короткий перебой с горячим, но подкачал грушей и успокоился, вместо того чтобы потратить пять минут и вытащить из насоса плитку рыжей краски от бачка, доставившую столько хлопот ни в чем не повинному Толяну и отравившую мне всю осень.

Пережив такое начало охоты, я в ожидании следующих бед по семь раз все отмерял, без конца стучал по деревянному и сыпал соль через левое плечо. Толян дал мне приемник, батареек и еще кое-что взамен утонувшего вместе с книгами. Предложил даже взять журналов, но я отказался: не судьба так не судьба. Мы расстались на берегу у его последней избушки хмурым утром, когда повеяло не сильным, но каким-то сплошным и нешуточным холодом. Пожелали друг другу удачи и пожаловали руки. Многое вкладывается в такое рукопожатие. Пока я отпихивался, заводил мотор, Толян стоял на берегу, а когда заработал винт, махнул рукой и пошел в гору.

Шиверá в устье Тынепа выглядела, как серебристая грохочущая дорога с синим хребтом над колючим хвойным берегом. Я поднял ее без приключений. Весь путь томили меня недобрые предчувствия: вдруг медведь разорил лабаз, избушка сгорела или экспедишник топор уволок. Добрался под вечер, ткнулся в красный плитняк берега, привязал лодку за камень и поднялся к избушке. Собаки вели себя спокойно. Дверь была открыта и подперта лопатой, как я и оставил ее весной. Топор лежал под крышей рядом с тазом. Я зашел внутрь. Все было на месте: лампа, связка стекол под потолком, чайник с трубкой бересты на ручке, ложка, блесна на гвоздике. Я заглянул на полку: коробка с лекарями, пульки в пачках. Рядом с пулями лежал Пушкин: стихи, сказки, пьесы и «Повести Белкина» - все в одном старом, без обложки, томе. Как я забыл о нем!

Наутро я взял чайник и пошел по бруснику. Накапывал дождь. Из-под тучи тянуло холодком. Я брел по-над Тынепом краем леса. Вниз к воде уходил крутой яр из красного сыпучего камня. Вясную погоду отсюда видна гора с косой вершиной. Я собирал в закопченный чайник темную бруснику и вспоминал, как впервые сюда приехал и как обживал эту тайгу, как строил первую избушку и какое древнее и сильное чувство испытывал, глядя на обрастающий стенами квадрат сырого мха.

Кобель поднял с брусничника глухаря, усевшегося на лиственницу. Я добыл его, повесил на березку, вставив головой в развилку, а когда возвращался обратно, все его плотное пепельное перо было в серебряных каплях.

В далеком детстве мы гостили с бабушкой в Кинешме у тетки, и я хорошо помню, как ранним утром по набережной над Волгой нес мужик на руках, словно спящего ребенка, огромного убитого глухаря... Прадед жил в Шуе и держал псовую охоту, бабушка много рассказывала о его собаках, о кожаных бродовых сапогах, о тетеревах с красными от ягоды клювами и заволжских брусничниках. Из всего этого еще давным-давно и помимо моей воли возникли и остались со мною на всю жизнь окутанный дремучей тайной природы образ России и восхищение людьми, прикоснувшимися к этой тайне.

Помню, еще в первый год охоты не

покидало меня ощущение, что я чему-то служу, хоть сам и не знаю чему. Шагая по Бахте на лыжах, обвешанный снаряжением, с понягой, с топориком за поясом, с лопаткой в руке, я представлял себя рыцарем. В мороз на бровях, усах и бороде нарастал куржак и закрывал лицо, как забрало. Когда я спускался из избушки по воду, длинная пешня с плоским лезвием представлялась мне копьем, а заросшая льдом прорубь - веком огромного богатыря, которого я, подобно Руслану, будил уколами копья до тех пор, пока не открывалось темное подрагивающее око, живой хрусталик которого я уносил с кусочком льда в обмерзшем ведре...

Возвращаясь, я гадал, что бы подумал Пушкин, глядя из-за деревьев на мутный просвет Тынепа, на блестящую от дождя крышу избушки, на чайник брусники в моей руке. Мне хотелось сказать ему, чтобы он не волновался, что я буду, как могу, служить России, что если и не придумаю о ней ничего нового, то хотя бы постараюсь защитить то старое, что всегда со мной и без чего жизнь не имеет смысла.

Дождь стихал. «Разъясняет, - говорил я сам с собой, таская веревочной петлей дрова из поленницы, - завтра утренняя будет, поеду на Майгушашу, не забыть капканы - в ручье висят». Запалив костер и присев возле него на ящик, я позвал Алтуса. Он вильнул хвостом, подбежал рысцой и бухнулся рядом. Я положил ладонь ему на голову:

- Ну что, Серый, отпустишь меня

когда-нибудь о Енисее книжку написать?

* * *

А может быть, природа - самый простой язык, на котором небо разговаривает с людьми? Может быть, нам не хватает душевной щедрости на любовь к ней, и потому она часто видится нам равнодушной или враждебной? Она кажется нам наивной и бессмысленной, потому что, быть может, мы сами ищем смысла вовсе не там, где надо: все стараемся чем-то от кого-то отличиться, и все сердимся, что никак не выходит. Может, потому и презираем ее: мол, как можно так повторяться из года в год - что сами стыдимся в себе вечного и гонимся за преходящим? Может, потому пугаемся, глядя, как она столько раз умирает, что к своей смерти относимся неправильно? И обижаемся на нее зря - тогда, когда забываем о главном: что она любит труд, терпение и не переносит жадности с верхоглядством. Что она, как дикая яблонька из сказки «Гуси-лебеди», говорит торопливому человеку:

- Хочешь получить от меня подарок - съешь сначала моего кислого яблочка...

Вот попробовал ты ее кислого яблочка, и словно чудо произошло - уже не страшно, что иголки плывут, а тебя больше нет. Плывайте, мои золотые, плывите, да напоминайте нашим детям, кто служит вечной красоте, не стыдится повторений.

Рис. Екатерины КИЛАНЯНЦ

Дмитрий МУРЗИН

В глухой Сибири, где бродит лось
И сладка вода родника,
Течет и пробует на износ
Русло свое река.

Берега ее утопают в песке,
Воды ее легки.
Но те, кто живет на этой реке,
Боятся этой реки.

Наступит зима, когда нужно зиме,
Льдом эту реку скует.
Никто из местных в своем уме
Не ступит на этот лед.

Прощай, рыбалка, рыбка, прощай,
Не будет подледным лов.
Не тронется лед, не наступит май -

Рыбак не покинет кров.

По небу крадется, словно шпион,
Поздний зимний рассвет.
А по-над речкой - малиновый звон.
Малиновой звона нет.

Звон ненадежных зимних оков,
Пока не померкнет свет.
Лед звенит, но ни рыбаков,
Ни конькобежцев нет.

Лед, звенящий, но хрупкий лед
Провалами чреват.
Система ходов, система пустот
Изрыли лед наугад.

Система дыр и система нор.
Шаг ступил - и привет.
В этой реке есть рыба-шахтер -
В других местах ее нет.

Черна, как смоль, с фонарем
во лбу

Рыба-шахтер

И с плавником-киркой,
Рыба-шахтер, проклиная судьбу,
Ушла в ледяной забой.

У местных с неместными вышел спор,

Как есть, о природе вещей:
Зачем нужна эта рыба-шахтер
И есть ли она вообще.

Спор утихает, но лед звенит,
И пацаны твердят:
Мол, рыба-шахтер найдет динамит,
И местные победят.

Феодосия

Исккупаться лишь раз, в самый первый день
(Айвазовского видел, у Грина был),
Сесть куда потише, забиться

в тень,
И не вспоминать то, что позабыл.

Покупать на рынке вино, кизил,
Прямо в тапках ходить встречать поезда
И о том, что что-то там позабыл,
Позабыть уже навсегда.

Эта женщина придет, как зима
приходит в город:
Снегом душу заметет и посеребрив виски.

И пальто само собой
приподнимет хлипкий ворот,
Словно может защитить
от ненастья и тоски.

Эта женщина придет для того,
чтоб стать несчастной
И несчастье принести грациозно и легко.
Чтоб тебя испепелить, рассказав
о свойствах страсти,
И оставить на губах поцелуев
молоко.

Эта женщина придет, чтоб
потом тебя оставить,
Чтоб уйти под снегопад и назад
не посмотреть.

И останется тебе только
мелочная память.
Только жить да поживать.
Только губы утереть..

Злой я был, когда, шатаюсь,
Брел домой по пустырю,
От обиды задыхаясь,
Нарываясь на зарю.

Злой я был и шел сквозь темень,
Как идет из раны кровь,
Проклиная место, время
И особенно любовь.

Ты таким меня застала -
Ярость с пеплом и золой...
Улыбнулась и сказала:
«Успокойся. Ты не злой».

Двое спят, заснув на полуслове,
Недоговорив, недошептав,
Переутомленные любовью,
Пере-пере-пере-перестав.

За стеною замолчала вьюга,
Снег идет в крошечной тишине,
Спящие в объятиях друг друга
Мирно улыбаются во сне.

Ночь прошла, и посветлело небо,
На пол тень упала со стола.
Он проснулся и ушел за хлебом,
А она проснулась и ушла.

Досье «УГ»

Дмитрий МУРЗИН родился в 1971 году в Кемерово. Окончил математический факультет Кемеровского госуниверситета и Литературный институт им. М.Горького. Ответственный секретарь журнала «Огни Кузбасса», член редколлегии журнала «День и ночь», автор шести поэтических сборников. Лауреат поэтической премии им. И.Киселева (2009), Всероссийской премии «Белуха» им. Г.Гребенщикова и Всесибирской премии им. Л.Мерзликина (2015). Член Союза писателей России, член Русского ПЭН-центра. Живет в Кемерово.

Вкус жизни

Павел Витальевич был человек спокойный, немногословный и очень решительный. То есть над принятием решений обычно лишнюю минуту не раздумывал - действовал быстро. И последующей рефлексии никогда не предавался - правильно поступил или нет. Сделал, и все. Значит, так было надо. Значит, прав. Без вариантов.

Когда Павел Витальевич был еще просто Пашей, он решил, что станет поваром. Паша любил поесть. Причем поесть вкусно. Мать готовила плохо, хуже, чем в столовках, поэтому Паша раздобыл у тетки старую кулинарную книгу и начал учиться готовить по ней. По порядку. Начал с холодных закусок, закончил горячими блюдами. Книга была толстая, потрепанная, на ее изучение ушло года три. Паша изводил мать требованием купить те или иные продукты. А это было самое начало 90-х, на полках магазинов было шаром покати, и мать вертелась как могла. Гордилась сыном. Иногда и сам Паша разгружал машины в соседнем магазине, чтобы продуктами взять заработанное. Иногда подворовывал, но незаметно, не наглед.

Потом поступил в кулинарный техникум. Учился усердно, параллельно работал помощником повара в большом ресторане. После окончания техникума Паша извернулся, нашел какую-то программу, уехал учиться за границу - сначала в Чехию, а оттуда в Японию. Мать не понимала внезапно исчезнувших границ, не понимала, как и на каком основании держится ее сын на чужбине и что он там делает. «Учусь, ма», - говорил Паша в коротких и дорогих, как недельный запас еды, телефонных переговорах.

Вернулся он уже Павлом Виталье-

вичем. Мужиком с тяжелым взглядом из-под густых рыжих бровей и твердой рукой. Так говорили про него - твердая рука. Для повара штука важная. Вернулся со стопкой дипломов и сертификатов, специалистом по нескольким кухням, с рекомендательными письмами и опытом работы в одном маленьком, но «мишленовском» заведении. Даже какое-то время выбирал, где работать, но, как водится, определился быстро. В родном городе как раз открылся новый ресторан - компактный, дорогой, куда пускали далеко не всякого. Павла Витальевича спрашивали, почему вернулся, интервью у него брали. «Тянет», - говорил. Не любили его журналисты, слова из него не вытянешь. Зато хозяин ресторана очень ценил.

Через полгода работы случилось то, чего никто от Павла Витальевича не ожидал. Он закрутил служебный роман с администратором ресторана Дашей. Даша была почти на десять лет моложе и примерно на тысячу слов в минуту болтливее. За то, как легко она и быстро говорит, как звонко и белозубо смеется, как морщит нос и театрально закатывает глаза, забегая на кухню, чтобы отдохнуть от каких-нибудь пьяных клиентов, он ее и полюбил. Но вместе с любовью пришла в душу не знающего сомнений человека тяжесть и маята - ему казалось, что такое сожробище вот-вот кто-то уведет изпод носа. Мужики ходили в ресторан разные, богатые, наглые, и Павел Витальевич лично видел, как заглядывались они на Дашу, как пытались зажимать в углу возле гардероба, как деньги совали и на ухо шептали что-то, уходя. В такие моменты невозмутимый шеф-повар покрывался багровыми пятнами и молча

Евгения БОРИСОВА

уходил на кухню. А Даша прибежала, смеялась и говорила: «Паш, ну чего ты, они же клиенты, я должна им улыбаться. Но мне до них вообще дела нет! Слышишь меня?! Вообще!» И чтобы не маяться, Павел Витальевич решил жениться. И женился по своему обыкновению быстро, без лишних раздумий. Даша, одетая в белое короткое платье, постоянно прятала свой острый носик в молочно-мятный букет невесты и мелко смеялась своим звонким смехом.

С появлением в жизни Даши Павел Витальевич с удивлением обнаружил, что начал по-другому чувствовать вкус собственных блюд. Лучше. Острее. Стал тоньше ощущать ароматы. Взялся экспериментировать с уже годами проверенными рецептами, даже хулиганить иногда, чего за ним вообще никогда не водилось. Правда, хулиганства эти были заметны лишь паре человек на кухне, остальные - хозяин, например, считавший себя гурманом, - не замечали.

Семейная жизнь радовала. Жили они тихо и дружно. Когда выдавались свободные вечера, гуляли за ручку по парку возле дома. И даже работа вместе не вносила дискомфорта. Дома о ресторанных буднях они не говорили. С появлением на безымянном пальце Даши обручального кольца клиенты мужского пола стали менее пылкими, правда, время от времени ей все же приходилось отбиваться от назойливого внимания подвыпивших мужиков. В такие

Досье «УГ»

Евгения БОРИСОВА (Кутузова) родилась в 1981 году в городе Кемерово. Окончила отделение журналистики факультета филологии и журналистики КемГУ. Преподавала на кафедре журналистики и русской литературы XX века, работала продюсером на одной из кемеровских радиостанций, затем руководила пресс-службой КемГУ. В данный момент является ведущей на радио «Кузбасс FM». Публиковалась в журналах «После 12» и «Огни Кузбасса».

моменты ярость тяжелой неповоротливой змеей поднималась в груди у шеф-повара, но он задабривал эту гадину усмешкой и единственным коротким словом: «Моя!»

В жизни молодоженов был лишь один камень преткновения. Освоив теткин кулинарную книгу, Павел

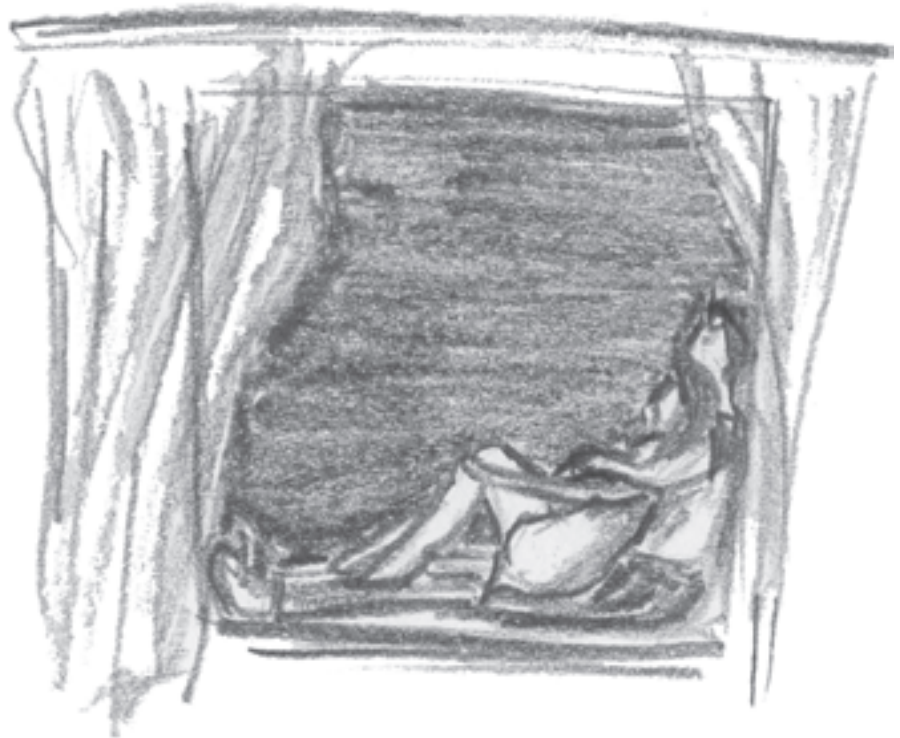

Витальевич не готовил дома. Принципиально. Вообще. Никогда. Он был по горло сыт и тем, что приходилось делать это на работе. Даша готовить не умела. Вернее, она думала, что умела, и очень даже неплохо, но муж не мог это есть. Честно попытавшись пару раз, отказался раз и навсегда. И это его решение изменить было невозможно. Даша даже принималась как-то плакать, но понимала, что бесполезно. В итоге в доме одного из лучших поваров города питались пиццами, пельменями, бутербродами и тем, что удавалось утащить с работы. Впрочем, дома они бывали редко. Если не работали - то гуляли, катались на велосипедах, в выходные выезжали за город. Там жили в домике на берегу маленькой, но быстрой речки.

За три дня до годовщины свадьбы Даша ушла в магазин и не вернулась. Молодой лихач на дорогой машине не рассмотрел ее хрупкую фигурку в сумерках на пешеходном переходе. Жена Павла Витальевича лежала в коме полтора месяца. Он каждый день приходил в больницу, смотрел на ее узкие розовые ручки поверх серого больничного одеяла и говорил. Он никогда в жизни не произносил столько слов в тишину. Он просил ее вернуться. Объяснял, что не может без нее. Никак не может. Что дома и на работе пусто. Невыносимо. Что все стало серым, как вот это самое одеяло. И Даша вернулась.

От радости он не сразу понял, что за словами доктора: «Нужна длительная реабилитация, вы же понимаете», - стояло одно утверждение: Даша - инвалид. Она вернулась к Павлу Витальевичу, не умея говорить, есть, ходить и смеяться. Большие глаза смотрели с отчаянием ре-

бенка, который потерялся в большом магазине и не знает, что делать. Правая половина лица не двигалась, как и правая рука, - совсем. Когда

Павел Витальевич все это осознал, то почувствовал страх. Но уже не ужас, нет. Страх был ему хотя и знаком, но за свою извилистую жизнь он научился с ним справляться.

Когда невесомое тельце Даши пе-

ревезли домой, пришла теща.

- Паша, - сказала она скорбно. - Давай заберу Дашку к себе. Буду выхаживать.

- Спасибо, я сам, - ответил тот так зло, что теща оторопела.

Он нанял сиделку. Сам при любой возможности возил ее по массажистам, логопедам, иглотерапевтам, ортопедам. Хозяин ресторана, конечно, осуждающе качал головой, но смотрел сквозь пальцы. Однако шеф-повару было все равно. Он начал готовить дома - бесконечно варил для нее каши, бульоны, делал омлеты и все, что разрешали врачи. Он купил для жены коляску и в хорошую погоду вывозил ее гулять туда, где когда-то они гуляли вдвоем. И снова говорил и говорил, как бы боясь, что, если он замолчит, Даша опять уйдет.

Ведь она пыталась. Тело ее было слабо, но дух еще слабее. Она не хотела бороться за себя прежнюю. Она научилась есть, вставать и с поддержкой передвигаться, начала говорить. Но даже маленькие победы не радовали ее. Один раз сиделка не уследила - и Даша наглоталась пер-

вых попавшихся таблеток. Пришлось везти в больницу, промыть, и тогда Павел Витальевич впервые орал на жену: «Дура! Не смей!!!» И она снова молча плакала, и половина рта болезненно криви-

лась. Черной зимней ночью он снял ее с подоконника. Она пыталась одной рукой открыть окно - и не могла. «Балда, - сказал он. - Второй этаж. И сугроб там». Сел сам на подоконник, посадил ее к себе на колени, и так они просидели несколько часов. Она тихонько подвывала, положив голову на его могучее плечо, а он гладил ее по голове и по острым позвонкам на спине.

Никто не знал, что в эти дни борьбы с собственным страхом и с нежеланием жены жить Павел Витальевич потерял свой дар. Перестал различать оттенки вкуса, мог, пробуя, ошибиться не только со специями, но и с ингредиентами вообще. Время экспериментов и хулиганства на кухне дорогого ресторана закончилось. Готовили по классическим ре-

не ее любили все без исключения. И верили в ее возвращение.

Отгремели бесконечные, как казалось Павлу Витальевичу, новогодние праздники, а за ними 14 и 23 февраля, а прямо 8 марта в город неожида-

нно пришла весна. Именно в этот день Даша смогла впервые пройти из комнаты на кухню самостоятельно, почти не держась за стену. Она дошла, села на стул у окна и, подставив острое лицо солнцу, внезапно улыбнулась. Этого никто не видел: сиделка ушла в магазин, муж был на работе. А Даша сидела и улыбалась. Она улыбалась только половиной рта, но не чувствовала этого. Ей впервые за долгое-долгое время не было плохо. Еще не хорошо, но уже не плохо.

В начале лета

сиделка позвонила Павлу Витальевичу. Он был на работе - стоял посреди кухни, наблюдая, как заводится ее красивый блестящий механизм, готовясь к вечеру и гостям.

- Павел Витальевич, - сиделка, пожилая и очень добрая женщина, была растеряна. - Даша меня отпустила. Даже так - отправила. Настаивала, чтобы я ушла. Капризничала. Я ушла, конечно, не на совсем, пойду

пройду до рынка, но что-то я переживаю.

И он рванул домой, снова бросив свой ресторан и свою кухню. Сердце колотилось в горле, когда он бежал через две ступеньки на второй этаж, когда пытался попасть ключом в замочную скважину. Представил все. Таблетки. Фен в наполненной ванной. Соображал, есть ли в доме бритвы и достаточно ли острые ножи, чтобы...

Даша стояла у плиты. Что-то помешивала в маленькой кастрюле, держа ложку в правой руке. Рука слушалась плохо, локоть был задран, но она стояла и мешала кашу! Он остолбенел в дверном проеме и, глядя на ее худую узкую спину в голубой майке, пытался вернуть себе ровное дыхание и невозмутимый вид. Она повернулась и сказала:

- Я захотела манной каши. Кажется, даже без комочков получилось. Поешь со мной?

И он сел за стол. И съел целую тарелку вкуснейшей, самой вкусной в его жизни манной каши. Она была в меру сладкой и достаточно жидкой - все, как он любил. Неожиданно для себя он понял, что любит манную кашу. У этой каши был необычный вкус. В ней сосредоточились десятки разных вкусов и даже, кажется, вкус счастья. Даша ела по чуть-чуть и медленно, сидя напротив него. Ложку снова держала правой рукой.

- Даш, - буднично сказал Павел Витальевич, доев. - Я добавки хочу.

Она внимательно посмотрела на него, не понимая, шутит он или нет. И когда поняла, что муж вполне серьезен, засмеялась своим звонким мелким смехом. В этот момент ей наконец подчинилась правая сторона лица. И вся последующая жизнь.

цептам. Часто готовые блюда вместо шеф-повара дегустировал его помощник. Все всё понимали. И даже тот случай, когда гость ресторана пожаловался на отвратительно прожаренный стейк, официанты с барменом тихо замяли, предложив скандалисту любые напитки бесплатно. Все это делалось не столько из сочувствия к Павлу Витальевичу, сколько из любви к Даше. В рестора-

Но Святой Николай усомнился

* * *

Т.К.

От секреции снов до секретных
желез
все, что есть, превращается
в дым,
в грязный воздух, пронзенный
осколками слез,

отводя от лица западающий снег,
наизнанку себя отворя

на грядущий сквозняк,
на внезапный разрыв,
то есть дальше планет и небес,
потому что навывкат, точнее
навзрыд,
потому что вообще ни бель мес.

Сергей ИВКИН

Пермская миссия Рустаму Паймурзину

Господнего служения синоним -
под муторные ливни сентября
отец Роман играет Альбинони
в подсобке кинозала для себя.

Его бросает в жар от каждой
фразы,
хотя от мамы с детства помнит
сам:

«Ададжио» совсем и не Томазо
Джованни Альбинони написал.
Из нотной папки выудив набросок,
профессор, изучавший Ренессанс,
сеньор Джадзотто звезд
архивных россыпь
расправил и вернул на небеса.

Я перед школой захожу погреться
в казенных комнат гулкий
лабиринт
и напитать испуганное сердце
бесстрашием невидимой любви.

потому что кырдым-гыр-
бырдым.

Потому что в ладонях свинцовый
горох,
потому что Екатеринбург,
я от собственных легких сегодня
оглох,
отключив этот грохот вокруг.

Мы на красный шагнем через
Главный проспект,
искривленный внутри янтара,

Досье «УГ»

Сергей ИВКИН, поэт, художник, дизайнер. Родился в 1979 году в Свердловске. Окончил Российский государственный профессионально-педагогический университет по специальности «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы». Координатор мастерской Андрея Санникова при журнале «Урал». Публиковался в журналах «Знамя», «Дети Ра», «Волга-XXI век», «Крещатик», «Урал», «Уральский следопыт», «Юность». Автор нескольких поэтических книг. Лауреат фестиваля «Новый Транзит-2006» (Кыштым). Финалист «Илья-премии-2007» (Москва), Волошинских чтений-2007 (Коктебель), «А-Либи-тум-2008» (Пермь).

Пока никто не ходит между
пока не вспыхнул луч
пока мотивы современных песен
не прокисают, словно молоко,
я затаился у железной двери,
подслушивая ветхий соль-минор-
ярчайшее свидетельство о вере,
наивней и наглядней, чем в кино.

Баллада о сорвавшихся гастролерах

Пьесы эпохи барокко: электро-
виолончель. Кочевая родня цыган,
словно икону, везем по российским
лучший концерт со времен
путешествия Нильса.
Четверо дударей на золотое
Света - продюсер, Маша и Руст -
я на подхвате: слетать -
принести пиво.
Все хорошо. Но Святой Николай
усомнился.

В графских палатах эхо дрожит,
Руст, мимо музыки неразговорчив
клавиш коснувшись, становится
лучший концерт со времен
путешествия Нильса.
Отдемонстрировав оплаченный
арсенал,
Маша, смычок бросает
на пиццикато выводит Адажио
на финал...
Все хорошо. Но Святой Николай
усомнился.

Собранные стойки, упакованные
в чехлы

микрофоны укладываются,
сдвинуты для лобызания и хвалы:
«Лучший концерт со времен
путешествия Нильса».
Света и Руст прощаются у дверей
с организаторами: Лидия
и Андрей.
Руст допивает пиво. Свете несус
«Эрл Грей».
Все хорошо. Но Святой Николай
усомнился.

Сели-поехали. Кошкой в мое плечо
Маша приткнулась. Мне стыдно
будто причиной того, что я...
лучший концерт со времен
путешествия Нильса.
Света и Руст впереди обсуждают
От перегруза машину ведет на юз.
Да, я люблю, и смерти не убоюсь.
Все хорошо. Но Святой Николай
усомнился.

На повороте обогнавшая
часто моргает фарами издали
в направлении на Соликамск.
Лучший концерт со времен
путешествия Нильса
прямо сейчас мы легко бы сыграли
Нет, мы стоим вчетвером
трассы - полметра и ангелы
пропоют:
«Все хорошо!» Но Святой Николай
усомнился.

Двое

Я вслед за ними вечность
беременная птица и шакал.
Доходный дом со ста тремя
глазами -

и по брусчатке не метель,
а заметить.

Сплошная мгла, туман замерзший,
ворота парка, искривленный
бу-бу-бу-бу голодного шакала,
ограды идеальные лекала.

Таким запомнил я Санкт-
Купюрой крупной вырванный
он кружится над мерзостью
Я ухажу, не досмотрев финала.

Я знаю: птица не сойдет с ума,
закончатся та осень и зима,
закончится потребность
надоедят поэзия и горе.

Стоят у Поцелуева моста,
он наклонившись, а она привстав;
и то ли нежность, то ли
повсюду отключают освещенье.

Кыштым

Наталье Косолаповой-
Петрушкиной

Горный северный край. Ветер
по умолчанию - южный.
Итальянская зелень в июле груба
Храмы недоразрушены, т. е.
самым светлым, что только
осталось, наверное.

Утром надо бросаться к реке: ее
Впрочем, ты сухопутен - уважит
Надо все потерять и под вечер
женский воздух Кыштыма
растянутым горлом хлеба.

Даже души на небо отсюда
Не спешу до него. Что тебе
Посмотри на закат, над болотом
примелькались стрижи
в твоих трещинах, сколах,
кавернах.

Рис. Ольги КРАСНОВОЙ

Тамара КОПАНЕВА

Досье «УГ»

Тамара КОПАНЕВА, родилась в поселке Кильмезь Кировской области. Окончила историко-филологический факультет Кировского педагогического института имени В.И.Ленина. Работала в Такашурской школе Кильмезского района учителем русского языка, литературы, пения, рисования. Была директором школы. Затем 30 лет редактором детских передач на студии телевидения. Автор книг для детей («Сказки старого города», «Вятское далеко», «Потаенная дверь», «Тайна добра, или Как стать Бабой-ягой»). Член Союза журналистов, лауреат премии имени Кирова. Живет в городе Кирове.

Откѣль в Кукарку кружева пришли

Вы, поди, и не слышали, откѣль в слободу Кукарку Вятской нашої губернии кружева пришли?

Дак это ишшо при царе Петре было.

Втапоры жил один мужик по имени Иван. Не то, чтобы учёной какой али ишшо кто, но мастеровой! От деревни к деревне похаживал, лапоточками по снегу повизгивал — плотничал, значит.

Заприметил его как-то сам царь:

- Слыхал, здоров ты плотничать-то?

- Да вроде того, царь-батюшко. Мы ведь не то́кмо одни лапти плести можем.

А Пётр-от ему великотно эдак и баёт:

- Поедешь в Голландию — корабельному делу обучаться. Гляди у меня!

Надобно признать, что кораблей-то у нас в ту пору ишшо мало было понастроено.

Ну, Иван корку за пазуху да и был таков!

Прикатил наш плотничок в заморску страну — ума набираться, в корабельном деле понатореть. Тудысюды огляделся и все ихниё секреты в момент расшпѣлал. Приловчился корабли-те мастачить. Голландски плотники в скором времени далеко назаді остались. Куды имя́? Ра́зи русского переплю́нѣшь?!

Зачал Иван домой ла́диться, да по пути на торги зашёл. И заприметил он та́могта дико́винны кружева: больно уж они схожи были с российскими берёзами в инее.

- Ну, - говорит, - кажите́ мне мастера!

Выкати́ла девица на резно́ крьльцо:

- Я мастерица. А что?

У Ивана шапка-то эдак на макушку и съехала! Стоит, топориком поигрывает — с руки на руку перебрáсывает. Замуж за меня не изволите, мол? Ну, обзабы́лся парень. Обомлѣл. И уж глаза-те зажмурил: отказу ждѣт.

Да чѣ ведь они, заморски девки-то, тожо не лы́ком ш́ты: про наших-то мастеров втапоры золотá молва ходуном ходила. Взглянула девица на Ивана ишшо разок.

- Отчего жо, изволю, - говорит.

Ну, в сей жо день укатили они в Питер. Жить за́чали. Иван-от востреѣ́ был парень, бря́кнул чѣ-то не эдак: вот, мол, живут жо люди в за́границах! Народ, значит, взбаламу́тил.

А уж урядник-от тут как тут, ровно с луны свалился. Лѣшой его принѣс! Шары́-те вы́катил: а ну, повтори, мол! Ну, Иван вилять не стал, а для понятия вразумил: мы, конечно, тожо, мол, шти лаптѣм не хлебаѣм! Да ужели чѣ кому докажѣшь? Это точнѣ-хонько ба́ют: «Ослы́шка да обмóлвка не к добру ведут». Мужики в толпе догадались: чья-то, мол, башка с плеч за́втрава полетит! А зѣв́ластой урядник ужо в крик пошѣл:

- Лови его, разбойника!

Ну, Иван швырк в подворотню. Прибѣг домой да с порога-то прямо и б́хнул:

- Дела нóне такиѣ, что в затылке начѣ́шешься! Нечѣ́ больше здесь торчать. Ударимся-ко, Аннушка, в бега. Чѣ́ дожидаться, пока ты вот за э́фтики дела да посадят в кандалá!

Другá бы вы́жига ч́вствий лишилась, заарта́чилась бы, заверешшѣла: «Взбесі́лся, ока́янной! Белены объѣ́лся! Чѣ́ ты! Куды́ это мы с бухты-баракхы?!»

А эта:

- Айда!

Подолом кружевным махнула и — в рóзвальни. Ведь ишшо свет-от чуть брезжал, а они уж впотаях снялись, сдѣ́рнулись с места. Взвизгну́л колоко́лец под дугой — ишши́, свишши́! Лошадѣ́нка попалась ша́гиста: за единой день вы́махала ты́шшу вѣ́рст. Едут они, торопятся. Вьюжливо кругом, по чисту полно ветер свйшшот — ничѣ́ не видно. Волки по вятским лесам эдак и рышшут. Ну, да с милым мужем и зимой не стужа!

Завечеряло, когда лошадѣ́нка-то в слободе Кукарке остановилась. Аннушка руками всплеснула:

- А жить-то где будѣм?

Иван в ответ-от то́ко хохотнул: - Эк-ка! Нашла об чѣ́м горевать. Дом сварга́ню, делов-то! Поку́ль люди в Кукарке вечеря́ли, Иван дом-от и смаста́чил. Спозаранку взбудоражи́лась вся округа.

Вывалил народ на улицу, стоят — рты нараспашку, дивя́тся, значит.

- О-о-о! Л́ко, л́ко! Чудо-то!

- Больно баско́й дом-от па́ря изла́дил!

- Ишь, дурак, выпендря́ется!

- А у тя, умного, за́всѣ́ два чина — дурак да дурачина! У-у-у, завиду́шши то́лы!

- Не-е-т! Важной дом, не поха́ѣшь!

Ну, а бабы да девки всѣ́ больше на кружевные занавесочки глаза п́ялят.

- Ах! Ах! Ах! Гли-ко! Гли-ко! Кружева сколь баскі́ѣ! Нам бы э́дак-то суметь! Нам бы э́дак-то изловч́ться! Ахи! Ахи! Ахи!

Прослышала про это Аннушка-мастерица и стала их к плетению кружевов приохóчивать. А девки да бабы в Кукарке уж больно работяш-

шиё, лóдырничать не привы́кшиё, хóдко взяли́сь за выучку! Узоры ког-да сами придумают, когда дедушко Мороз имя́м подскажет: то окно в избе белоснежно выткёт, то все дере-вья в кружеви́ну обря́дит. Ой, ка-киё баску́шииё кружева в Кука́рке плести за́чали! Куда́ там! Иным за-морским руже́вницам кука́рские бабы носы-те утёрли. Ведь э́кого ишшо́ никогда не бывало, чтобы нас кто-то в ремесле опередил! Ка́жная изба в Кука́рке кружевным нарядом засветилась. А девки-то в кружева выря-дились да за́чали по ули-цам шшоголя́ть, в хорово-дах вышагивать - парней в сумлёньё вводить: кото́ра из их всех ба́шше-то?

С той самой поры ни одна подолгу в девках-то не засиживалась.

И пошла-поехала сла-вушка по всей земле о диковинных кружевах кука́рских да об умелых кружевницах-рукодельни-цах.

Откель - откуда

Слобода Кукарка - ныне г. Советск Кировской области

Поди - наверное

Ишшо - ещё

Втапоры - тогда

Лапоточками (лаптями) - плетёной из лык обувью

Здоров плотничать-то - хорошо умеешь строить

Токмо - только

Великатно - вежливо, степенно

Баёт - говорит

Понатореть - сделаться умелым

Расшшёлкал - разгадал

Приловчился - ловко научился

Мастачить - строить

Имям - им

Переплюнешь - превзойдёшь

Зачал - начал

Ладиться - собираться

Тамотка - там

На резно - изукрашенное резьбой по дереву

Обомлел - потерял соображение от удивления

Не лыком шиты - всё понимают, знают

Золота молва ходуном ходила - говорили много похвальных слов

Изволю - желаю, хочу

Востреё - бойкий, острый на язык

Брякнул - некстати сказал

Взбаламутил - взбудоражил

Урядник - начальник

Шары-те выкатил - глаза вы-таращил

Шти (щи) лаптём не хлебаём - хорошо живём, многое умеем

Ослышка - услышано не то, что сказано

Обмолвка - нечаянно сказанное слово

Зёвластой - крикливый

Покуль - пока

Вечеряли - сидели вечером

Смастачил - удачно построил

Вывалил - вышел

Швырк (швыркнул) - бросился

Бухнул - быстро сказал

Торчать - находиться, быть

Тя - тебя

За эфтики дела посадят в кандала

- за такие дела посадят в тюрьму

Выжига - сварливая, пройдоха

Заартачилась - заупрямилась, не соглашалась

С бухты-барахты - вдруг, неожида-нно

Розвальни - зимняя повозка

Впотаях - тайно

Шагиста - лошадь с крупным шагом

Вымахала - быстро пробежала

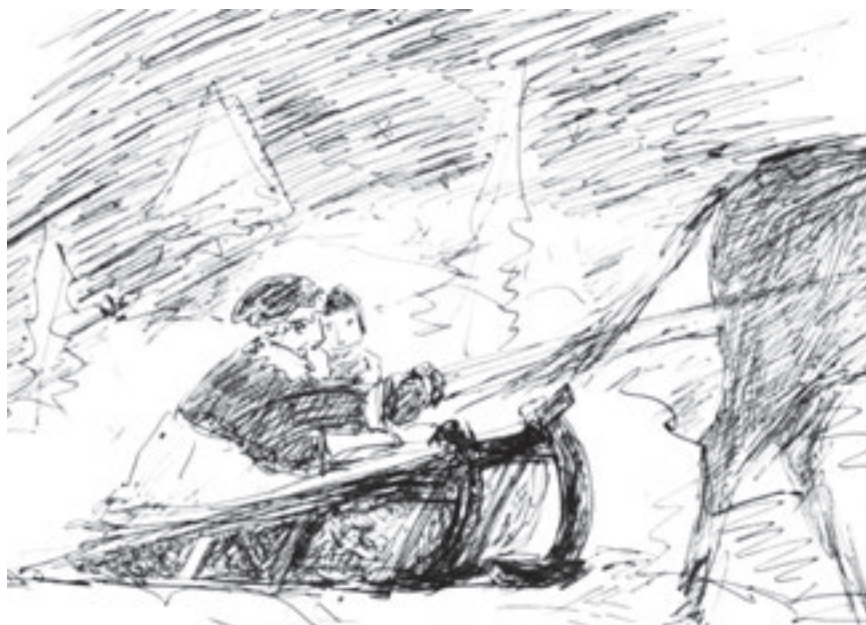

Рис. Ирины ЗОТОВОЙ

Там будет время течь наоборот

Стансы

1

В Тамбове сумрачном, в Саратове
богатом
брожу одна по каменным палатам,
по улицам, ослепшим от жары.
То в проходные захожу дворы,
то хмурым голубям-аристократам
я, поклонившись, приношу дары.

2

Вокруг меня под куполом небес
щебечут птицы, свет растет,
как лес,
его листва отбрасывает тени.
И графские развалины сирени
собой являют нашей жизни срез.
Часы идут, но времени в обрез.

3

Вот дом плывет, подобно кораблю,
собой горячий воздух раздвигая.
Сказать бы мне, как я тебя люблю,
покуда жизнь не началась другая.
Там будет время течь наоборот,
скелеты смысла покрывая плотью...
Вот женщина выходит из ворот,
зовет домой какую-то Авдотью.

4

На маленьком столе стоит еда -
лук, помидоры, жареная рыба.
Но как без чувства страха и стыда
зайти, заплакать и сказать

«спасибо»?

Горит светило в сорок киловатт,
бормочет смерть в своих владеньях
частных,
что общий облик слова угловато -
в нем проступают косточки
согласных.

5

И не понять, в чем держится душа.
Ключицы «у», худые ребра «ша»...
Пусть воздух лег всей тяжестью
на крышу,
любовь свою, как тело, потроша,
ты закричишь - и я тебя услышу.

6

Приму, как крест, страдания твои.
У голубей соседних воробьи
воруют хлеб - раскрошенное время.
Стрижи между собой ведут бои.
Машина едет с надписью «ГАИ»,
бредет дитя, оставленное всеми.

7

Болтается котомка на плечах,
и виден ангел в солнечных лучах,
как в каждом слове виден смысл
бездонный...

Промолвит ангел, над землей летя:

- Куда же ты, голодное дитя?
- Я смысл несу в огромный мир
бездомный...

Татьяне Кан

Хлеб горячий саратовской выпечки,
свет, летящий с небесных высот...
Ходит ангел под липами в Липецке
с длинным шлейфом сияющих нот.

Отломи же хрустящую корочку,
не томишь непонятной виной -
пусть под липами в платьях
с оборочкой
путешествует запах ржаной.

Льются звуки, как ливень
лирический,-
вертикальное море судьбы, -
только хор замирает сферический
под архангельский голос трубы.

Что за дни нам для радости выпали!
Знаю я - где-то там, вдалеке,
ходит ангел под бедными липами
с остывающим хлебом в руке.

Светлана КЕКОВА

Вот и март наступил. Облечемся же
в темные ризы,
упраздняя капризы, поспешно
изменим репризы,
перестанем молчать, словно
путник в стране неизвестной,
и начнем по ночам шелестеть
шелухой словесной.

Досье «УГ»

Светлана КЕКОВА, поэт, филолог, доктор филологических наук. Родилась в 1951 году на Сахалине. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета, защитила кандидатскую диссертацию, посвященную поэтическому языку Николая Заболоцкого, и докторскую - «Метаморфозы христианского кода в поэзии Н.Заболоцкого и А.Тарковского». Профессор кафедры гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории им. Л.В.Собинова. Член Союза российских писателей.

Автор 14 книг стихов и литературоведческих книг и статей, посвященных творчеству поэтов-обэристов, Н.А.Заболоцкого, А.А.Тарковского, И.А.Бродского, В.Ф.Ходасевича, В.В.Набокова, Ф.М.Достоевского, философов Ф.А.Степуна и С.Л.Франка и др.

Публиковалась в самиздатских журналах Ленинграда («Часы», «Обводный канал») и Саратова («Контрапункт»). С 1990 года стихотворения постоянно публикуются в журналах «Знамя», «Новый мир», «Звезда», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Урал», «Новый берег» и др.

Лауреат премий журналов «Знамя» и «Новый мир», малой премии им. Аполлона Григорьева, большой премии «Москва - Транзит» Московского международного фестиваля «Биеннале поэтов», премии имени Арсения и Андрея Тарковских (Киев), Новой Пушкинской премии и премии «Московский счет».

Стихи Светланы Кековой переведены на европейские языки.

Словно тать, по стене таракан
пробегаёт настырный.
Белый мел истолчем и, добавивши
спирт нашатырный,
скажем тихо, что жизнь стала нам,
как одежда, мала.
Лоскутком из фланели начистим
в дому зеркала.

Мы поедем в Хвалынский, а потом
в Аркадак и Озинки,
пусть сиреневый лук шевелится
в плетеной корзинке.
пусть готовятся яйца сиять
золотой скорлупой,
пусть пространство и время
питаются снежной крупой.

Засыпают в реке красноперка
и синяя щука,
и кипит в котелке шелуха
золотистая лука,
и Младенца к груди прижимает
святой Симеон,
и сидят на домах разноцветные
птицы имен.

Ты во сне у Желтой стоишь горы,
где огромных яблок висят шары,
Илия-пророк от грозы оглох,
льет с небес поток, серебрится лох,
спят ворон посты на пути к беде,
чешуя листвы не видна в воде.

Набирает плоть винограда гроздь.
Кто тебе, Господь, выбирает гвоздь,

чтобы крепче тело прибить
к кресту?
Ходит люд ремесленный по мосту.
Перекинут мост, как Великий Пост,
через сорок дней и ночей без звезд,
и видна река с Соколовых гор,
но Голгофы скрыт костяной бугор.

Я горчайших истин учу азы:
если есть река - Иордан, Янцзы,
то водою желтой лицо омой.
Муравьи-китайцы спешат домой.
Шелестит в траве муравьев поток,
на земле валяется молоток,
он им нужен был, чтобы гвозди
вбить.
Как теперь, мой друг, мне тебя
любить?

Кто-то строит дом, громыхает
гром,
и в рыбацью сеть попадает сом,
кто качает мед, кто детей растит,
кто тебя поймет и меня простит?

После смерти слышен грозы раскат.
Градом спелых вишен засыпан сад.
Я хочу, чтоб белый созрел налив.
Что бы ты ни делал - среди олив
одичавших будет бродить Христос,
и с небес прольются потоки слез.

Ах, в любви не смыслю я ни аза,
в соляной земле не растет лоза,
но, плывя в ладье, ты туда причаль,
где одна любовь и одна печаль,
где любой из нас попадет домой.

Ты в предсмертный час, бедный
ангел мой,
пируэт выписывай в облаках
с тонкой пудрой рисовой на щеках.

Не знаю я, какими сводками
уже заполнено пространство...
Сквозит нездешний свет над
сопками,
смирняя ветра вольтерьянство.

И вдохновению грошовому
я путь открою без утайки -
к хребту отправляюсь Камышовому
на крыльях ошалевшей чайки.

Войдя во время, Богом данное,
я каждой клеткой тела вспомню
простую церковь деревянную,
тюрьму, кирпичную часовню,

«Маяк» и улицу Советскую,
послевоенный запах водки.
и всю мою блаженно-детскую
жизнь в Александровской Слободке.

Сейчас сосна стоит апостолом
напротив городского сквера,
клубятся облака над островом.
летят над бухтой Жонкиера.

Но мне спросить о детстве некогда,
и я без боли и без страха
иду туда, где помнят Чехов
Три кровных Брата, три монаха...

Государственная консерватория имени Л.В.Собинова в Саратове

Углицкие ссыльные

1.
Такая тишь в обители ее,
такой в углах клубится сумрак
 блеклый,
что прежнее, непостное житье
не залетает даже птицей в окна.

По платью от подола рыщет тлен
и до колен, свои узоры множа,
могильный запах монастырских
стен
въедается в пергаментную кожу.

Едва слышна, внизу шуршит
Шексна -
перемывает камни, словно кости.
Шестая, нелюбимая жена
не чувствует ни горести,
ни злости,

в монашеских молитвах и трудах
она не помышляет о расплате,
и прежняя вражда, и прежний страх -
все тленом так же съедено,
как платье.

Лишь иногда времен истлевших
дым
развеет ветер или вздох под утро -
ей видится, что, цел и невредим,
играет в келье мальчик
светлокудрый.

2. Там, где Волга поворачивает резво
на бегу,
где стоит-сияет церковь
на высоком берегу,
где сидят в палатах каменных
на золотом крыльце
первый нянькин сын, да мамкин
с ним, не помнят об отце.

Там на стенке изразцовой,
на оконце слядяном
тень мелькнет царицы вдовой,
и опять застынет дом,
только сердце материнское
запрыгает в груди,
только маленький царевич
на крыльце не усидит.
Лишь бы не набедокурил,
Боже правый упаси,
сероглазый, белокурый, лишь бы
выжил, на Руси
был бы царь, а нынче - отрок,
неразумное дитя,
то ли ядом, то ли сглазом погубить
его хотят.

То не ветер возвевался возле
 княжеских палат,
 не тяжелым ожерельем шею
 детскую теснят,
 то великое злодейство возводилось
 среди дня,
 полыхнуло, полоснуло горло
 росчерком огня,
 и рубины с ожерелья по кафтану
 растеклись.
 Виноватый и невинный на крови
 его клялись,
 первый нянькин сын, да мамкин
 с ним, попрытали ножи,
 а царевич убиенный у крыльца
 в траве лежит.

Зачинщика нашли на колокольне
и по ступеням вниз поволокли.
Телега прогибалась до земли,
когда ее везли на площадь кони.

Все знали, в чем несчастный
виноват -
в тот день, когда царевича убили,

Фото Германа ВЛАСОВА

Досье «УГ»

Юлия БЕЛОХВОСТОВА, поэт.
Окончила МГУ им. Ломоносова, филологический факультет, специализация - древнерусская литература. Публиковалась в коллективных поэтических сборниках, альманахах, журналах «Плавучий мост», «Интерпоэзия», «Кольцо А», «Аврора», «Крещатик», «Книголюб», «Литературной газете», «Учительской газете». Автор двух поэтических сборников: «Мне не идет весна» и «Ближний круг». Организатор цикла поэтических вечеров «У Красного рояля» в Третьяковской галерее. Дипломант Международного Волошинского конкурса 2015 г. Член Союза писателей Москвы.

в ответ как будто призывая к силе,
он собирал народ и бил в набат.

Теперь он под ударами стонал, казалось, все его большое тело от боли и бесчестия гудело. Пожизненная ссылка - вот финал.

А чтобы он к смирению привык
и не будил ни в ком мятежность
духа,
его казнили отсечением уха
и вырвали бунтовщику язык.

И сотни виноватых и безвинных,
в горячке бунта смятых, словно воск,
тащили год из Углича в Тобольск
увечный ссыльный колокол
на спинах.

Фото Юлии Белухиной

Максим ГУРЕЕВ

Незадолго до своей кончины наш сосед по лестничной площадке Федор Дмитриевич Трапезников встал посреди комнаты в боксерскую стойку, согнул руки в локтях и стал выполнять попеременно джеб и апперкот.

Лицо его совершенно побагровело при этом, исполнившись чрезмерного напряжения, а глаза затуманились, словно он хотел вспомнить все, что произошло с ним за его долгую жизнь: родился в Кургане, потом, после войны, отца, военного строителя, перевели сначала в Козельск, а потом в Воронеж.

Работал плечами, доставал подбородком до груди.

Со стороны могло показаться, что в ту минуту через его тело, напоминающее посеченный зноем солончак, пропускают разряды электрического тока. Оно трепетало, содрогалось под действием ударов, предназначенных тени - согбенной и остроплечей, вырастающей из одной точки в полу и потому слабо державшейся на ногах. Мыслилось, что она должна была вот-вот упасть, но вопреки всему, и здравому смыслу в первую очередь, этого не происходило.

Федор Дмитриевич дышал отрывисто и ритмично, превозмогал монотонную, однообразную, ноющую боль в суставах, осознавал недостаточную подвижность сухожилий, напоминающих вымоченные в уксусе ремни. Смирался с ней.

Приговаривал: «В детстве отец меня часто лупил ремнем. И правильно делал, потому что я рос хулиганом, матерился, дрался, курил, отнимал у одноклассников деньги и папиросы».

Ноги отнялись. На спине вырос горб. Зубы выкрошились.

Пальцы скрючились и свирепо впились в паркет, а в голове свире-

пел хор неизвестно кому принадлежавших голосов.

Может быть, как раз нестройный хор тех самых одноклассников?

Федор Дмитриевич выкрикивал их имена громко, на выдохе после каждого удара в пустоту, будто вызывал из небытия души усопших, полностью уподобившись при этом совершенно охрипшему от истощенного вопля спириту.

Перечислял:

Вася Кулагин.

Саня Мальцев.

бы запастись тяжелым, наполненным вязким духом низкого, давящего на голову потолка воздухом.

Дело в том, что в годы юности Трапезников занимался боксом, выступал за воронежский «Факел», имел первый разряд и даже был неоднократно призером городских соревнований. Потом, конечно, бросил тренировки, но подраться в компании любил, имел сломанный нос, несколько переломов рук и напоминавшие листья алоэ, словно кем-то обкусанные уши.

Восьмой вид

Дима Шварц.

Сергея Колчин и Серега Сазонов.

Олег Придворов.

Толя Левшин.

Гена Дзюба.

А в женской школе через дорогу в параллельном классе учились:

Дина Оборина.

Тая Кауфман.

Наташа Макурина.

Лидя Павлова.

Оля Чечель.

Гуля Незаметдинова.

Гул, удары, треск, сухость во рту.

Федор Дмитриевич стоял посреди комнаты и держал себя согнутыми локтями. Боялся отпустить хотя бы на минуту, потому как мог тут же и упасть на пол за смертью, ведь ноги-то отнялись совершенно. Плечи расслаблял, отклеивал подбородок от груди.

А еще мог слышать доносящиеся откуда-то из глубины то ли комнаты, то ли подсознания слова - «дыши! дыши!». И тут же открывал рот, что-

Тогда и научился терпеть страдания, а порой и не чувствовать их вообще, особенно когда входил в раж, сплевывал кровь сквозь пересохшие растрескавшиеся губы, вытирал тыльной стороной ладони пот со лба, щурил и без того заплавленные от побоев глаза, превращаясь при этом в совершенно-го азиата - коварного, злопамятного, босого на лицо, потому что у него не росли усы, и борода тоже не росла.

- Федя, аллес, у тебя рассечение, заканчивай! - орал тренер и выкидывал на ринг белую тряпку.

Он-то, конечно, заканчивал бой, потому что слова тренера были для него святы, но острые плечи все еще вздымались сами собой, плясали, становясь добычей покрытого испариной подбородка, и челюсть отвисала, как это бывает при подборе надлежащих слов.

- Выхожу один я на дорогу... - морщил лоб, пытаясь вспомнить,

Досье «УГ»

Максим ГУРЕЕВ родился в Москве в 1966 году. Окончил филологический факультет МГУ и семинар прозы А.Битова в Литинституте. Публикуется в «толстых» журналах: «Октябрь», «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Вопросы литературы», «Литературная учеба», «Искусство кино», «Вестник Европы». Автор и режиссер более 60 документальных фильмов, участник и призер фестивалей неигрового кино в Екатеринбурге, Иваново, Анапе, Выборге, Гатчине, Минске, Варшаве, Гренобле, Шанхае. Автор книг «Быстрое движение глаз во время сна» и «Покоритель орнамента». В 2014 году вошел в шорт-лист литературной премии НОС.

Член Союза российских писателей. Член Союза кинематографистов РФ. Член русского ПЕН-центра.

что там дальше. А дальше-то там ничего и не было, только разрозненные слова: туман, путь, пустыня, внемлет, свобода, покой.

Какое-то время, после того как Трапезников упокоился, его квартира пустовала, детей у него не было, а жена Софья Самойловна - тихая, незаметная, скрывающаяся в зарослях заполонивших подоконник алоэ и бумажных цветов - умерла еще в начале 90-х. Точнее сказать, просто раздвинула шелестящие на сквозняке ветви и ушла в эти заросли, в эти кущи.

Потом квартиру передали ЖЭКу, и в ней жили дворники, три брата - Нурек, Рустам и Шарип Начмиддиновы, приехавшие в Воронеж из Куляба, но после того как Рустама арестовали за то, что он якобы торговал насваем (впоследствии выяснилось, что это был не он), таджиков выселили, а квартиру опечатали.

Единственным же напоминанием о Федоре Дмитриевиче здесь остались лишь каким-то чудом сохранившиеся боксерские перчатки, которые висели в коридоре.

По словам Трапезникова, их ему подарил еще отец - Дмитрий Тимофеевич - после первой его победы на Кубке профсоюзов в 1955 году.

Дмитрий Тимофеевич Трапезников - высокий, худой, скуластый, в молчании поглощающий обед в офицерской столовке, расположенной недалеко от Акатова монастыря, проглатывающий воздушные пузыри и ими же давящийся.

Он кривился при этом, разумеется.

А ведь так же и каждое утро после тренировки или соревнований, нависая над рукомойником, Федя кривился от боли, прикасался пальцем к расцеченной брови или губе, к синяку с желтым отливом или к ссадине на подбородке, всматривался в свое отражение в мутном зеркале, которое было вмуровано в стену, а из-за этой стены на него смотрел его отец в полевой форме, в начищенных яловых сапогах, придерживающий фуражку за целлулоидный козырек, едва улыбающийся, подающий тем самым надежду на то, что есть возможность убежать от этого взгляда, проходящего сквозь толщу стены и времени.

Впрочем, нет, такой возможности не существовало, это было наи-

вное заблуждение, попытка оправдать собственную слабость, собственное несовершенство, а порой и просто нежелание что-либо менять вопреки мучениям, приносимым заведенным раз и навсегда порядком вещей.

Итак, отец вопрошает этим своим взглядом.

Настойчиво вопрошает!

Какое-то время ждет ответа, а не дождавшись, встает со стула, на котором сидел посреди комнаты, кладет на него фуражку и, заложив руки за спину, подходит к окну.

Вот удивительно, вроде бы Дмитрий Тимофеевич уже и отвел взгляд от сына, но ощущение тяжести все равно не проходит, более того, оно нарастает: лицо побагровело, исполнившись чрезмерного напряжения, глаза закатились, и со стороны может показаться, что через напоминающее посеченный зноем солончак тело пропускают разряды электрического тока.

Да, тело трепещет, содрогается под действием ударов, оно, согбенное и остроплечее, подвергается бичеванию, и кажется, что должно вот-вот упасть, но вопреки всему и здравому смыслу в первую очередь, не падает, не умирает и оказывается неподверженным тлену.

Отец долго смотрит на барабнящий по карнизу дождь начала января, затем переводит взгляд поочередно сначала на двор, посреди которого на берегу безразмерной

лужи сидит собака, на здание почтамта, построенного на месте почтовой станции, где летом 1840 года по дороге на Кавказ останавливался Лермонтов, а затем на фуражку, лежащую на стуле.

Берет эту фуражку, сокрушенно качает головой - нет, не этого он ожидал от своего сына, совсем не этого!

Был уверен в том, что Федор сначала станет первым в своей весовой категории в Воронеже, потом в области, в Союзе, ну а потом и на Олимпиаду поедет.

Нет, все вышло совсем по-другому!

После того сокрушительного нокаута он всю ночь провел в жару, метался, бредил, подбирал слова, словно держал ответ перед строгим продавцом билетов с квадратным, в форме окошка кассы, лицом и не находил их.

Слов не находил даже про дорогу, ночь, сон и покой.

Когда наконец пришел в себя, несколько месяцев все же еще заглядывал в зал, но всякий раз, оказываясь тут, ощущал тот сокрушительный удар, начинала нестерпимо болеть голова, и подступала тошнота.

В результате боксом заниматься перестал.

Тогда же начал встречаться с Динной Обориной.

Она была отличницей, а ее мать работала учителем литературы в старших классах.

Часто водил Дину в кинотеатр «Спартак», их здесь уже все знали и пускали без билетов.

Незадолго до своей кончины Федор Дмитриевич пропустил хук справа, упал на пол, который тут же оказался стеной.

Попытался встать, оттолкнуться от стены, но не смог.

Приехавший по «скорой» молодой неулыбчивый врач по фамилии Гаврилов в первую очередь снял с Трапезникова боксерские перчатки и кухонные полотенца, которыми были перебинтованы его руки, и оказалось, что все это время он боксировал кукишами, потому что только в таком случае большой и указательный пальцы будут иметь одинаковую длину.

Разумеется, удивился и приготовился слушать объяснение, что все это значит.

Конечно, добыть ответы на все

вопросы, которые Федору Дмитриевичу задавал Архангел Гавриил, что обычно выглядывал из квадратного окна билетной кассы при входе в кинотеатр «Спартак», не представлялось возможным: слишком много прошло лет, слишком слаба и несовершенна память, слишком медленно кулаки, перебинтованные кухонными полотенцами, достигают цели!

Вот ему и остается кричать в темноту: «Йо-хо-хо!», а глухое полуморочное эхо вторит ему: «хо-хо-хо!», смеется над ним.

Итак, Архангел Гавриил пристально смотрит на старика, но при этом совершенно не желает его напугать, а потому и является перед ним в образе безобидной билетерши с мохнатыми щеками и волосами, расчесанными на глубокий, до самых луковиц пробор. Сидя, она прихрамывает, перекаtywаясь с ягодицы на ягодицу, опирается на подоконник, на котором лежат рулон входных билетов и металлическая линейка, при помощи которой Архангел Гавриил измеряет большой палец на правой руке у всех посетителей кинотеатра. Он ждет того, у кого большой палец по длине достигнет пальца указательного, будет равен ему, и тогда он примет образ Архистратига, явится во всей своей славе, чтобы возвеличить избранника.

А пока он билетерша, или истопник, или моторист, или уборщица, или контролер в заводской проходной авиазавода на Циолковского, или Дмитрий Тимофеевич Трапезников.

Идут годы, но избранник с двумя указательными пальцами на правой руке так и не появляется.

Некоторые хитрецы, конечно, удлинляли большой палец при по-

мощи хлебного мякиша или пластилина, но всякий раз бдительная билетерша раскрывала обман и при помощи все той же металлической линейки безжалостно отсекала лжепалец. Бросала его на пол. Топтала его, прихрамывала, потому что правая нога у нее была короче, чем левая.

От этого пристального взгляда Архангела Гавриила из окошка билетной кассы можно было просто сойти с ума, и Федор Дмитриевич закрывал глаза ладонями.

А потом кинотеатр сгорел.

Тогда раздался страшный треск, разорвавший горизонтальные дымовые столпы рваными трещинами светящегося газа, в воздух при этом взметнулась горящая щепка, как рыбная чешуя, как медная стружка, как луковая шелуха, которую используют для покраски в красный цвет пасхальных яиц. И в

ту же минуту огненные сполохи озарили улицу и прилегающие к кинотеатру дома.

Стало светло как днем.

Помыслилось, что это и есть светопредставление, знаменующее собой конец всего сущего, однако же на самом деле в кинотеатр просто ударила молния, пришедшая с неба.

Видимо, это было знаком того, что Архангел увидел наконец своего избранника и прикоснулся к нему огненным мечом, но не обжег, не заставил страдать, а лишь наполнил теплотой сердечного горения.

- Не бойся, - проговорил Гавриил, - не печалься, не сокрушайся попусту, потому что нет ничего непре-

ведного и богопротивного в строгости, заповеданной от пророков, потому что истинная любовь строга, потому что строгость есть матерья верности, а верность есть залог святости.

- Ты говоришь, как мог бы говорить мой отец, - улыбнулся в ответ Федор Дмитриевич, и собственный его голос вдруг показался ему как-то чужим, как бы и не ему принадлежащим, отлетевшим от тела, исходящим извне, падающим откуда-то с вышины, отнимающим последнюю надежду на то, что он еще встанет на последний отсчет судьи.

- Вставай, Федя, вставай, - пунцовое лицо тренера проваливается под ринг.

Нет, не встанет.

Пальцы скрючились и свиреповпились в паркет, а в голове свирепел хор школьников:

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!

Я б хотел забыться и заснуть!

Вот они все красавцы, как напечет:

Вася Кулагин.

Саня Мальцев.

Дима Шварц.

Олег Придворов.

Толя Левшин.

Тая Кауфман.

Наташа Макурина.

Гуля Незаметдинова.

Жалко, что Оборина не пришла, ведь только ее одну и хотел увидеть - «вот стерва!».

- А я и есть твой отец - Дмитрий Тимофеевич, - говорит Архангел Гавриил и гладит Федора Дмитриевича по голове.

Заглядывает ему в глаза и кроме страха еще видит в них задержку психического и речевого развития, мозговую дисфункцию, нарушение работы опорно-двигательного аппарата, общее недоразвитие речи, аутизм, синдром дефицита внимания и наконец восьмой вид - ограниченные возможности здоровья.

Еще бы - столько лет его били по голове и лицу!

- А это ты здорово придумал с кулаками в боксерских перчатках, честное слово, я никогда бы до такого не додумался, - с улыбкой говорит Гавриил и, помолчав немного, добавляет: - Ну что, ты идешь или тут остаешься?

Оборотная грань любви

матросы: в небесах

мои золотые матросы
живут в небесах корабля
и тянут канаты и тросы
чтоб вечно крутилась земля

у них виноградные губы
и штормом исполненный
взгляд
и в солнцем отлитые трубы
они беспокойно трубят

и радостный северный ветер
колотится в их паруса
и самые кроткие дети
без страха глядят в небеса

Песни рыб

Ты знаешь, а рыбы умеют петь
на утреннем сквозняке.
Рыбачья лодка бросает сеть
и слушает вдалеке.

А из глубин, поднимаясь вверх,
песня растёт-растёт.
Даже летучий красавец стерх
свой замедляет лет.

Рыбы поют удивленной всех,
ибо всю жизнь молчат.
В выдохе этом - и боль, и смех.
Рыбы почти кричат.

Крепче за лодку держись,
дружок!

Слушай, запоминай:
сеть переполнена. Ключ. Замок.
Так попадают в рай.

весенний Крым: свинг

Весенний Крым.
И каждый день - в цвету.
И у весны расцвел язык
во рту.
И Божья влага в небесах
пролита.
Ко мне приходит сон, и в нем -
они:
Бессонные бенгальские огни -
Сугдея, Феодосия, Джалита.

Владычица морская - говори.
Пусть в небесах свингуют
тропари
На день седьмой и
на двенадцатый.
Пусть любит нас Господь в своем
Крыму,
И я у смерти времени займу,
И мы проснемся - вместе,
как когда-то.

море: лимонными дольками

нарежьте мне море лимонными
дольками
без чаек отчаянья
море - и только
чтоб был ободок от восхода
по краю

фото Александра БАРБУХА

Андрей КОРОВИН

и быстрый дельфин как
посланник из рая

и я под язык положу эту
дольку
чтоб выжить зимою полынной
и горькой
чтоб плавать зимою как рыба
в воде
подобно морской путеводной
звезде

ветер

какое чудо
весь этот ветер
в лицо летящий
когда ты молод
когда ты Вертер
ты настоящий

ночная мякоть
сырого неба
тебя объемлет
густая липа
и запах меда
пчелиный лепет

как пахнет каждый
растущий в небе
в земле сидящий
лишь только ветер
тебе расскажет
впередсмотрящий

и ты глотаешь
густую книгу
земного ветра
и рев вулканов
гул океанов
и километров

и задыхаясь
глядишь шалея
в окно ночное
на этот ветер
на эту нежность
в ночном прибое

Досье «УГ»

Андрей КОРОВИН. Поэт, журналист. Родился в 1971 году в Тульской области. Окончил Юридический институт МВД РФ, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М.Горького. Автор восьми поэтических книг. Стихи публикуются в поэтических антологиях, журналах «Арион», «Дружба народов», «Новый мир», «Октябрь». Переведены на английский, армянский, белорусский, грузинский, польский и другие языки. Руководитель Международного культурного проекта «Волошинский сентябрь», литературного салона в Театре-музее «Булгаковский Дом» (Москва) и других культурных проектов. Лауреат премий литературных журналов, кавалер золотой медали «За преданность Дому Максимилиана Волошина» (2010). Живет в Московской области.

Детство на Оке

я помню этот лес: грибы, деревья,
маслята, ельник, вот отец, а вот я,
июль в зените, месяц в рукаве.

отец кричит:

- ну что?

- *опять масленок!*

масленок тоже, в сущности,
ребенок.
а кто это там прячется в траве?

но очень скоро выйдем мы
из леса.

а там - пруда таинственная пьеса,
блестят на солнце рыбы караси,
и мы - на этом зеркале пейзажа,
где темпера, и глушь, и тишь,
и сажа,
и деревенька, Господи спаси.

и дальше мы идем с отцом
куда-то,
в руке отцовской удочка зажата,
в затонах окских ждет подкормку
лещ.

скажи-скажи: ты жив еще,
ворюга?
узнаемся ль, увидевши друг друга?
жизнь движется стремительней,
чем речь.

ах лечь бы в речь, отдав себя
течению,
когда вся даль небес открыта
зрению,
и ты плывешь, всевидящ,
как река,
в твоих руках уже играют рыбы,
и вот за это, Господи, спасибо,
что в звездном небе
движется Ока.

маленькая река

Сушка река простая
маленькая река
солнце в нее втекает
плавают облака

по вечерам лягухи
оперная братва
а поутру на брюхе
крутит брейк-данс плотва

Сушка течет негромко
будто ручей течет
ходит пескарь по кромке
околоплодных вод

в омуте дремлет щука
щука умеет ждать

фото с сайта photodom.com

Весенний Крым. И каждый день - в цвету

будет малькам наука
как от нее тикать

что тебе снится Сушка
маленькая река
в гости пришли подружки
солнце и облака

детские преступления

короткими вспышками света
вся жизнь твоя будет с тобой

бездонное окское лето
кузнечик в траве голубой
поймаешь останется лапка
в твоей неумелой руке

цветов кучерявых охапка
и голая рыбка в реке

и дремлет малюсенький ящер
он жрец на пригретом пеньке
протянешь ладонь наудачу
останется хвостик в руке

ежиха ведущая деток
куда-то
не трожь отпусти

и запах соснового света
и вкус родника из горсти

как мир наш подноженный хрупок
и сколько ж ты душ погубил
личинок пиявок скорлупок

покуда
ты маленьким был

дерево дождя памяти Алексея Парщикова

ты выйдешь к солнцу сам не зная
где ты

какие там живые экспонаты
где луг поющий где осипший
берег

где девушка плывущая нагая
где высушены строки на песке

и в зеркале межреберного вида
где видно только сердце только
воздух

ты вдруг увидишь парусные
буквы
регаты слов и кругосветки фраз

и дальше где взлетающее небо
встречается в нелетную погоду
смотри ее к тебе ведет за руку
голубоглазый мальчик-самолет

ведь нет живых и мертвых
не обижу
от смерти слишком дерзкое
лекарство

раздавленные ягоды в ладони
и оперное дерево дождя

Из цикла «НАСТУПЛЕНИЕ ОСЕНИ». ОВСТУГ

а этой ночью наступила осень

и в барском доме Тютчевых
не спали
и свет горел во всех бессонных
окнах
хозяина встречали ранним утром

он к празднику обычно приезжал
Успенья Богородицы

прислуга
готовила на кухне ранний
завтрак

в пруду ходил тяжелый
толстолобик
не зная что гореть ему к обеду

на сковородки адовом огне

и лебеди ленивые дремали

не слыша

как скрипят в ночи ворота
и ширится из псарни лай собак

как чутко лошади прядут ушами
и женщина бросается на шею

как он идет понурый
молчаливый
и колокол спросонья глухо бьет

ведь этой ночью
наступила осень

там за речкою сиротливо
вместо каменного кремля
для разгула и для заплыва
вся расейская мать-земля

заметают ее метели
и бродяги берут в полон
помнишь как мы с тобой балдели
здесь под взглядом ее икон

ну так что ж выходи и
здравствуй
и как можешь теперь живи

берендеево это царство
оборотная грань любви

помогите же
мужику

божьекоровское

упала божия коровка
и чувствует себя неловко
она упала на меня
в разгаре трудового дня

она такая растакая
живет не ведая покоя
но в мирозданье не вникая
в сирени майского покроя
коровка
божия такая

я посажу ее на палец
я ей скажу лети свободна
лети на небо мой посланец
лети скажу куда угодно

пускай в божьекоровском
небе

откуда на меня ты пала
придумают такую штуку
чтобы не падали коровки
и даже божии коровки
в рабочий полдень
на людей

калининградоведение

хочется вернуться в майский
Калининград
и калининградить
калининградить
писать янтарем на
брусчатке

послания древним эстиям
бестиям и бестийкам
разговаривать на эстийском
посвящать стихи молодым
девицам
и замужним матронам
давно повзрослевшим

и разведенным
хочется колобродить по улицам
Кенигсберга
раскланиваться

с Мартами
любезничать с Бертами
сидеть в пивной с томиком
Гете

и говорить: да что ты?
и засыпая под крики чаек
намочив в пиве усы и прочие
части тела
на крики законной Марты
что будит тебя отчаянно
отвечать: да ты что, совсем
обалдела?

фото с сайта hostmupics.com

Рыбачья лодка бросает сеть и слушает вдалеке

сон о зиме

золотые мои застежки
мать-и-мачеха кострома
что горит на твоей обложке
понимаю зима зима

быть зимой хорошо и просто
выпал снегом лежи скрипи
ходят тени большого роста
носят валенки и скребки

и свистят за окном синицы
желтопузые фонари
мне зима эта только снится
просыпайся на раз-два-три

а в зиме твоей неуместной
костромской ли еще какой
сны гуляют с размахом
местных
там за волгою за рекой

история жука

для жука
перевернулось небо

лежит небо
на жуке

а жук лежит
не жужжит
лапками шебуршит
то ли отталкивает
то ли поддерживает
то ли щекочет
небо

а небо такое
круглое
голубое
тяже-о-олое

дайте кто-нибудь
руку жуку

Сергей СОЛОВЬЕВ

Он ушел из больницы, прихватив во дворе сушившееся на веревке одеяло, и, набросив его на плечи, сел у осеннего моря.

Жилье он нашел себе в полуразрушенном замке над Ялтой. Кроме него там скрывался юноша-рыцарь, не бледный, но бледный. И с ним его маленькая декабристка. И еще у них был варан с декабристкой ростом. И такса по имени Винчи. А варана они называли Джоконда.

И они выводили их погулять на заброшенную детскую площадку, за руиной восточного флигеля дворца. И Винчи играл с Джокондой, следившей недово-

шевя губами, и спускался по ржавой лесенке в воду, и во рту его, зловонном, чужом, онемелом, томились у крученой железной решетки эти три так и не успевших сказаться слова: я люблю тебя, я... - отплывая от берега, - тебя, - выдыхал он носом в воду, - люблю, - переворачиваясь на спину и обнажая железо во рту, поблескивающее в лучах, и греб к ускользавшей, смеркавшейся нитке берега.

А потом прошла низовка, резко похолодало, в замке он остался один, мастерящий пончо из того больничного одеяла. От Достоевского остались непрочитанными лишь тома примечаний из собрания того тускло-болотного цвета, на который уже поглядывали припухлые берега. Да и море теперь обнажало порой такой же проволоочный, косогубо мычащий в нависшее ртутное небо расшатанный рот.

А потом, когда ему сняли решетку и выпустили язык на волю, он переехал в Симферополь, к ней, где она, белошвейка, училась, в этот городок Сим-сим, где двери и не закрывались, и наступила пора тополиного мимолетного счастья.

А городок был похож на что? - на развязанный пуп на клинышке полуострова с зарослями, чем ниже, тем гуще? На султана? На главного евнуха, а гарем в море полощется? На Одессу, переехавшую в Винницу? Что-то все же странное было в нем, отошедшем от берегов в глубь полуострова и живущем там полулежа, с подбородком на локте, глядя в даль цвета кислого пива своим солнечно-пыльным лицом. Один глаз хохла, другой татарина, нос турка, рот грека, а сам русский.

Шаг в сторону от центральной улицы - и ты в кривоногом дворике времен полиомиелита; ко-

Крымские арабески

И его вновь унесло в Крым с ветерком весенним.

Беатриче стояла на высокой скале над морем и, оттолкнувшись, летела... летела... Всю его жизнь. Таким было тело ее. Как Крым. Она и была его Крымом со всем его морем и небом, и детством, и соразмерностью губ, и ладоней, и сердца - всему, что вокруг.

А совсем вокруг, то есть за летящим солнечным извивом ее тела с сомкнутыми пятками, висел на пальцах поселок, прижавшийся к скалам и глядящий через плечо - на нее, летящую, на море, клонящееся, как подсолнух, к закату. И назывался он Понизовка - от холодного течения, набегавшего в дни полнолуния незримыми янычарами с кривыми ножами в зубах.

Природа жила в ней - как осень в лесу, как свет меж деревьев, как снег на весу. А это с людьми почти не случается. Природа обходит их, чуя хребтом за версту. А в ней вот жила, не чуралась. В ней было просто, отзывчиво тихо, светло... Нет, светало.

Челюсть с тремя переломами ему туго стянули проволокой, пронизанной сквозь десну меж зубами. Месяца на два.

Харьковские курсанты, танкисты. Эти парубки наезжали сюда ритуально - выпустить пар, порубиться вслепую.

ротливой улыбкой за его мельтешением у носа с припаданием к земле - то слева, то справа, перебирая ракурсы. И вдруг исчезал в полусомкнутой пасти модели - так, что лишь пропеллер хвоста с визгом вертелся в нехотя разворачивающемся фюзеляже. Подползая к углу песочника и хитровато ухмыльнувшись в оглядке, она срыгивала в угол этот трепыхающийся моторчик. Порой игра заходила так далеко, что приходилось поднимать Джоконду за хвост и выбивать из нее Мастера плетенкой для выбиванья ковров.

К морю он спускался через Чеховскую библиотеку, тишайшую, с одичавшими книгами, оглохшими от тишины. Брал следующий том Достоевского и, наверно, по единственной в стране улочке Рузвельта, которая как-то весело рифмовалась в его уме с улицей Маршака в том же городе, шел в закуток у моря, известный лишь местным, к морю, как известно, не хаживающим, и читал, не

Досье «УГ»

Сергей СОЛОВЬЕВ, поэт и прозаик. Родился в 1959 г. в Киеве. Автор 12 книг поэзии и прозы, в числе которых «Крымский диван», «В стороне», «Адамов мост» и др. Лауреат премии «Планета Поэта», финалист премии Андрея Белого и «Русский Букер». Живет в Мюнхене.

лонка со ржавой каплей на губе посреди двора, застеленного облезлой леопардовой шкурой сквозь подрагивающую листву инжира. Ледяные шавочки лежат в бигудях, хекая от жары. Фаянсовые кошки с мутно-голубыми глазами, как солнечные копилки, сидят на черепичных крышах, постукивая оплетенным вокруг лап хвостом. Горбатые запорожцы, висят в двориках, полуразобранные, на полпути к вознесению. Мужички, лежащие под ними в обнимку с кружкой пива и графией Монсоро, полученной за 20 кг макулатуры. Белье на веревках, как генеалогическое древо, привалившее двор. Детская табуретка и вздутая баба на ней со взбитой ватой на голове и ожерельем клыкастых прищепок на валкой двуспальной груди.

Неторопливо фланирующие улицы. Со взглядом чуть вверх и в сторону. Двух-трехэтажные особняки, почесывающие спину. Или просто стоящие с пустыми разинутыми ртами окон. Речка, бродящая по городу, как кошка, сама по себе. Деревья и кофейни перепутались так, что давно позабыли, кто из них кто. Хвостатые турочки на раскаленном песке. И такие же дурочки, закипающие на деревьях. Птицы, млеющие за столиками, люди, щебечущие на ветвях. Рынки на каждом шагу - мал мала больше: рыбы в цветах, вино в осах, молоко в невестах, зелень в слезах, мясо в коралловых рифах, град винограда, фрукты-бутозы, бес на весах с гирькой солнца в зубах.

И - выбеленная подмышка вокзала, сквозь которую въезжала страна и уезжала, не замечая города.

И он послал телеграмму ректору университета: «Не могу вылететь на госэкзамен по погодным условиям».

А погода стояла... На ногах не стояла, вся - в небе и лапки в меду. Сад луны и пиры до утра, а с утра и до ночи - стог солнца, в котором, зарывшись, лежали. Смеялась. И когда уплывал на щеке по стыдливо пугливому свету ее живота - в золотые черемушки средостенья, смеялась: «Щекотно!» И повсюду, повсюду ей было стыдливо щекотно. От слов, что

шептал в ее легкие пятки, и в чуткие прятки, и в русые прядки, в ребенки ушей...

Я люблю тебя, я...

Он знал, что она вскоре вышла замуж за какого-то геолога, что у нее трое детей, что она живет в придорожном поселке с названием, от которого вздрагивало сердце - Чистенькое, под Симферополем, в частном доме с водой на улице, что, наверное, руки ее от

летний, будто и не было этих лет и жизнь не прошла. И как тогда, но уже по-другому - слова сказать не мог. Но договорились, что она приедет - по дороге к родственникам в Ясную Поляну, он ее будет ждать на трассе. Не мог уснуть накануне, воображая варианты возможного и не. И, обессиленный, сморился под утро в кресле. Звонок в дверь. Она на пороге - совсем не изменившаяся, та же девочка, с той же милой, чуть за-

бесконечных зимних постирушек стали похожи на вареники, что прошли годы, а потом и много лет, что ее - той Беатриче, уже давно нет, что теперь это какая-то раздобревшая и обветшавшая тетка с геологической фамилией, и все же время от времени он пытался найти ее, и однажды, спустя уже двадцать лет, он дозволился в соседнюю хату (у нее телефона не было) и ждал, пока ее позовут - так долго (как тогда, когда она летела с пирса, пока не зашло солнце). И вдруг услышал ее голос - родной, девятнадцати-

торможенной, как из дальней дали улыбкой. И весь день потом они гуляют с ней, взявшись за руки, как дети, и он совершенно не помнит ничего из этого дня, кроме ее ладони в своей руке, волшебного света и тихого счастья. А потом они заходят в какое-то кафе, и она, чуть виновато взглянув на него, спросила: можно ли взять ей этот остаток пиццы домой - для детей? А потом он все будет искать телефон той соседней хаты, и уже никогда не найдет.

В Крым он переехал налегке и

выбежал к морю в новогодний день. Пустынная набережная. Снег, медленными непролазными лопухами заносащий поселок, ослепительно голубое небо над морем. И этот снежный занавес своей бахромой опущен на береговую кромку, повторяя ее и заучивая наизусть - там, на мысе, где его чуть раскачивает, распуская на нити.

Он шел с облепленной снегом улыбкой и вдруг замер с занесенной над землей ногой: в занавесе была прореха, и из нее торчала растрощенная корма двухмачтового фрегата, кренящегося набок под мерным изумрудно-стеклянным накатом. Мачты, раскачиваясь, цепляли снежные нити прорехи. Нос фрегата заливала волна и перекатывалась через бушприт, переворачиваясь на спину, как прыгуны через перекладину.

Он разделся догола и, войдя в воду, сумел подобраться к борту этого Летучего Голландца и взобраться с кульком в зубах по веревочной лесенке на его грот. И, откупорив шампанское, - там, в сияющей прорехе неба, голый, раскачиваясь как призрак на призраке, ловил ликующим горлом пенную струю вперемежку с охмелевшими хлопьями снега.

На обратном пути ему было видение: она кружила, не касаясь земли, ввинчиваясь вдаль, все выше по крутой улочке в сторону его дома. Балетные тапочки с красными тесемками поверх бледно-розовых, как снег, лосин, сведенные над головою руки; медленный белый танец.

Он нагнал ее у поворота. Блаженно-чуткое лицо, колко-желтая стерня волос.

- Привет, - сказала она губами, беззвучно.

Новосельно-новогоднюю ночь они провели на полу в его новой квартире. На детском матрасе, одолженном у соседей, пока его жилье, упакованное в ящики, перешептывалось во тьме товарного вагона, стоящего в отстое где-то под Херсоном.

Потом, годы спустя, такой же зимой, она бросилась, говорят, с пирса в студеное море и уже не вернулась. Балетные тапочки сыпались с неба и гасли на воде.

А тогда, через пару месяцев после переезда, квартирная космогония обустройства подходила к концу. На стене висела большая необрамленная фотография: две головы, лучащиеся из одного тела. Тело жены с заведенными

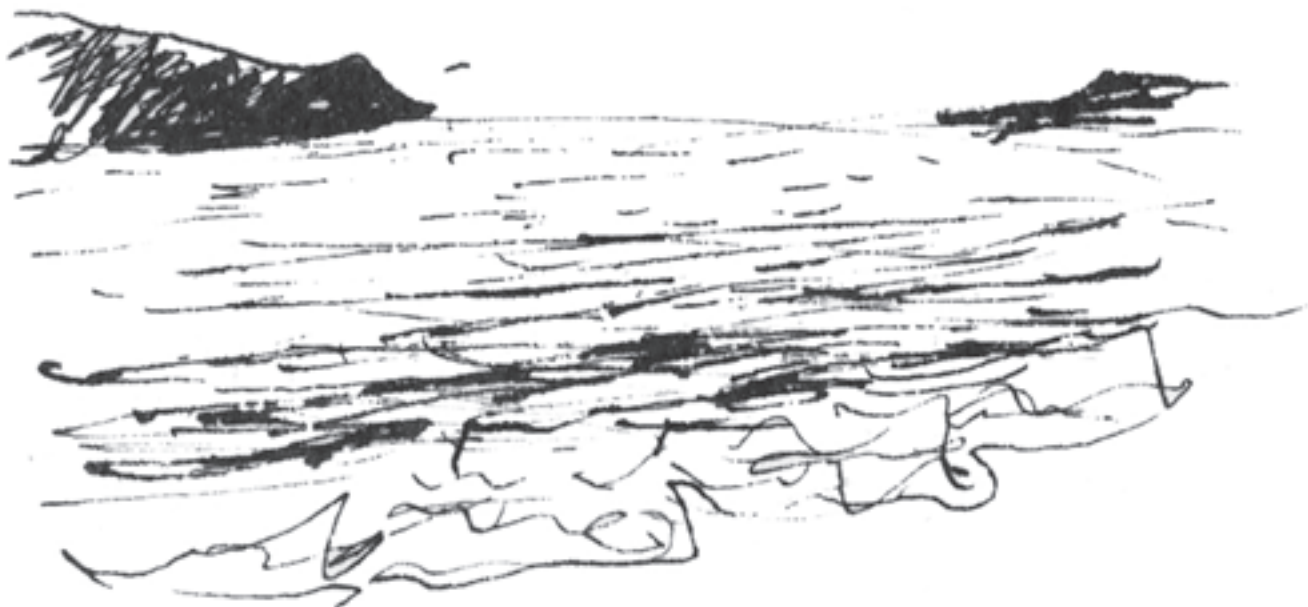
за голову руками, за его голову, прильнувшую к ней щекой. А руки его, выплывая из-за ее спины, лежат большими счастливыми ладонями на ее животе. На ее животе, в котором - но об этом они не знают еще - вскоре толкнется ребенок, сын, мертвый.

А на другой стене в простоволосой рамке лицо Беатриче, нарисованное белым на черном, с задумчивой горечью глаз - сквозь него, как сквозь дымку, глядящих.

И ртутно-слепащее море в окне, и растущие в воздухе горы. Только-только развеснилось, а чувство, что он уже здесь века. И фрегат давно искрошило о берег. Он подходит к окну, смотрит на море: закат распивают с небом, как Сальери с Моцартом, лицедеи.

Утром причаливает колхозный мариман, кренящийся всегда на правый борт, как ботинок с косо стоптанным каблуком, медвежьим. Бочка с булькающим серебром покачивается с воткнутом в нее совком, а под ногами скаты - распластанные гипертоники.

Он берет катрана. Это такая акула-школьник. Рослая, на голову ниже его. Берет на плечо, как

ковер. «Девочка, - говорит, передавая ее, рыбак, - на губах тает, пальцы оближешь! Червонец».

Нижнюю часть ее он обвалял в муке и зажарил. Бескостная, лепестковая, сама нежность. И не губами ее брать - устами! Устное, дописьменное создание. А верхнюю вывесил за окно, она покачивалась, глядя в небо маленькими ужаленными глазами с приоткрытой, чуть съехавшей набок ухмылкой.

И еще прошли годы. И было у него две дочери, от разных женщин. Время от времени они виделись. И обе дочери любили его, хотя и не догадывались, что он их отец. Тем летом ей, старшей, уже было одиннадцать, они взяли водный велосипед и покатались по кийсельной глади в ясный, чуть скругленный по сторонам, горизонт.

«Слушай, - сказала она, раскачиваясь над педалями, - а что это ты меня так любишь? - и, приблизив к нему свои ясные голубые, - потому что мы так похожи, да? Вот здесь, и вот здесь, и там... И болит у тебя вот тут, где у меня

болит. Потому что мы ведь одно, да? Потому что, скажи, я твоя...»

Он, зажмурясь, кивнул еле слышно: «Дочь».

«Дочь!» - она выкрикнула уже из воды, а он не слышал, уйдя под воду с другого борта, велосипед раскачивался без берегов. «Да!» - выкрикнул он, всплывая. И она, поднырнув, оплела его всеми руками, и они, пузырясь, погрузились под воду: «Да!...»

А потом она все торопила к берегу, захлебываясь от счастья, мол, мама-то как обрадуется...

Мама погладила ее по голове и усмехнулась: «Да. В волшебном его воображении».

А потом - или это было раньше? - тем же летом приехала младшая с мамой, на денек повидаться. И он повел их в укромную Чеховскую бухту. И - надо же - в те же дни в поселке гостила старшая с мамой и братом.

Поштармливало. И без того маленький, поджатый к скалам пляж заливало, оставляя сухим лишь лоскут на двоих в обнимку, где они и сидели, то и дело вылавливая из воды дочурку, кото-

рая в ответ с укоризной покачивала головой: «Это вам только кажется, что это море». А когда мама начинала: «Я же тебе...» - она ее обрывала: «Это тебе только кажется, что это ты». И так далее, о чем бы ни заходила речь.

Такой день у нее оказался. И он ее целиком поддерживал, говоря: «Это тебе только кажется, что тебе кажется...» - и вдруг увидел сносимый в бухту островок велосипеда, передаваемого, как на руках, волнами все ближе к берегу - так, что он уже видел машущую ему старшую дочь, едва удерживающуюся на этом заливаемом пеной островке со своей мамой и братом.

И вот они все шестеро - две женщины, две девочки, мальчик и он - стоят на одном квадратном метре среди скал, обдаваемых брызгами. И он не помнит, запутался, кто о ком знает и что. А кто догадывается и о чем. И они стоят голые, оглядывая друг друга, жмясь вплотную.

И Чехов, прильнув к окну своей дачки, глядит на них. Или это ему только кажется...

Рис. Ольги КРАСНОВОЙ

Екатерина ВАРКАН

Вот Петербург. Полное собрание избранного.

Бледны, чисты и романтичны лица стариков.

Странна и драматична их блокадная привычка к употреблению обгоревших спичек второй раз.

Сквозные парадные и неременная надпись на дверях: «Берегите тепло».

И вода. Она течет, оказывается.

Канавки, переходящие в каналы, увенчанные мостами, что вымощены проспектами.

И как бы сплетены воедино Зимний дворец и Летний сад. Михайловский садик и Сенат.

И бронзовый Петр с бронзовым Николаем.

И чистые каменные набережные.

Впрочем, высокий стиль вернее укоротить ножницами до «колодца».

Москва - иное.

Москва, конечно, красавица распушенная. Распушенная, будто тесто перед выпечкой. Уже чуть перезревшая, конечно, почему и весьма теплая девица. И она еще и круглая. (Это заметили многие архитекторы. Даже будто угловатые их постройки в ней округлые и гладкие строения. Завитки ее затейливы и кучерявы.) И конечно, она с фантазией.

Кривенькие улочки Москвы (по которым катиться только) путаны, но очевидны. Такие проходы между сундуками в древний чулан. Каждый школьник знает - там-то и запрятаны истинные сокровища. (Недаром же в стародавние времена часовни над иконами называли «деревянными чуланами».) И как по кругу, блуждая, всегда находишь себя (находишься?) в таком потаенном чулане. Но все же еще и еще плу-

Москва - иное

тать в московских закоулках - не скажем сознания, но сомнительной красоты.

В этой сомнительности не вдруг вылупляются (облупляются?) натурально настоящие мотивы. Вот, говорят, на углу некоего переулочка (Плотницкого, например) фасад одного из известных легконравием домов поддерживают усердные помощники Кариатид, они же почтеннейшие граждане России. «Говорят» - в том смысле, что почтеннейшие граждане и вправду имеются. А «говорят» - в том смысле, кто именно имеется наглядно прорисованным.

В молодости склонный к шалостям граф Толстой имеет все права поместиться на фасаде. Но вовсе не в возрасте бородатого Нептуна, коего можно ныне в нем признать. Пушкин годится, конечно, на любую стену, как всякий Аполлон. Не классичностью лица вовсе, но живостью прически. Но только Гоголь, конечно, всегда и везде узнаваем. Хо-орошая компания. И Москва - к лицу этой группе (или уже - к лику?). Стоят они вместе, притепленные к легким дамочкам, на самом краю карниза аккуратно.

Как если бы замерли восхищенно по-над водой на кромке острова. Ка-

кого? Не так много в Москве и островов. Пронзительные чайки покрикивают здесь только парким летом, свистят над липкой гладью да длинными выхолонными газонами. Но это в тот час. А сей час - лишь обеснеженный ветром лед. И в выхоленной этой красоте ворона по стеклянному льду, дивясь, будто в зеркале, отраженному эффекту собственного лица, следует гоголем. (Опять про Гоголя. Что такое? Но какой же Гоголь здесь? Он привычно помещается только в первом Риме.)

Если правда, что некоторые вороны экземпляры проживают по три сотни лет, то именно она, та, что гоголем, помнит шаловливого мальчика Петю, что запускал здесь по течению свой ботик, но чаще бегал так же по кромке и пугал именно ее радостно палкой.

Никто ее нынче не пугает. Скучно. Ворона наблюдает историческое величие свое в ледяной прозрачности и для верности тычет в него любознательным клювом. Огромные пузыри замерзшего воздуха от ударов лопаются под корявыми лапками. А воздушные шарики, все поднимаясь, зябко вытекают из глубины воды. Интересно же...

Тук-тук. Звонко - на морозе эхом отражается ее фальшивый (неисторический?) эксперимент. Тук-тук. В ритм ей позванивает, отзываясь, флюгерок на узорчато-изразцовой Мостовой башне с прорезанными в нем цифербрами - 1679.

Вот даже Воскресенские ворота у Иверской часовни выстроены были только через год. Хотя они, верно, постаре будут. Но тот час они звались Львиными, Триумфальными и много как еще. И были, конечно, не так красивы.

Воскресенские ворота (или Иверские?) - просто пряный пряник. Тут и рядом все прекрасно - и флюгерки, и звездочки, и красные стены, и башни с высокими уже шатрами, и цветастые маковки по ту сторону рябьистой площади. Вот только Неглинку запрятать бы обратно в трубу...

И спокойненько, не торопясь, распрощившись с Москвой, выезжать, как бывалочи, в Петербург, тот самый.

Благословясь.

Досье «УГ»

Екатерина ВАРКАН родилась в Москве, окончила факультет журналистики Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Член Союза кинематографистов России (Гильдия киноведов и кинокритиков), член русского ПЕН-центра.

Автор книги «Свидетель судебных роковых», а также серии публикаций, посвященных пушкинской поре. Лауреат Горьковской премии в номинации «Несвоевременные мысли» за эссе о литературной жизни XIX века: «Рукописи не горят», «Раскрылся пол, и вы оттуда, или Сон в руку», «Не трогайте руками декабристов, или Задачака перемещающихся тел». Живет в Москве.

Мария ВАТУТИНА

Москва

Плачут лилии лепестками,
Словно слезами красными.
Поджигали Москву, лепетали:
«Гори-гори, ясная».

Полицейские хлопали полами,
Поджигали избы, изнутри полые,
Крестились, «прости и помилуй»
ухали,
Макали в солому факелы, нюхали,

Поддували руками-лопатами,
Отбегали галками лохматыми,
Не смотрели друг на друга,
не верили,
Что и третий Рим похерили.

Вижу красные лилии,
Вспоминаю, как тебя спалили, и
Думаю взять на вооружение
Самосожжение.

С.А.Филатову

Звучен черным вечером
Шинный шоссейный бег.
Мрамором, Богом меченным,
Выглядит человек.

Белым, блестящим, искристым,
Видимым внутри, как дым,
Ветром, как жизнь, порывистым,
Отполированным.

Словно вблизи обители
Сам оглянулся Лот -
Там, где вчера строители
Старый снесли завод.

Нет кирпича мясистого,
Белых костей в стене -

А потом наступали дожди...

Только пустыня чистого
Прошлого, вид извне.

Светит фонарь на золото
Радостей и утрат
Возле Серпа и Молота,
Где Владимирский тракт.

Медленно, словно маятник,
Плавает свет дневной.
Столб освещает, памятник...
Мраморный, соляной...

Читая «Войну и мир»

Когда ты спросишь, Петербург,
Чем мне милей Москва седая,
Я вспомню дам, что, увядая,
Знаменовали светский круг.

Не перепутать имена.
Все характерно в звуках книжных:
Где Марью Дмитриевну слышно,
Где Анна Павловна слышна.

Салоны, выезды, балы...
Те выпренни, те громогласны,
И Марьи Дмитриевны страстны,
И Анны Павловны милы...

И что мне в имени чужом,
Когда б не страсти роковые,
Когда б не пляски огневые
Лет на сто выше этажом.

* * *

Москва. Никитские ворота.
Прогуливающийся Плятт
Выходит из-за поворота
И на дитя бросает взгляд,

И озорно глядит, покуда
Не разминемся, и, дитя,
Я жадно постигаю чудо,
В его глазах любовь прочтя.

Прогуливает даму Яншин.
Раневская! Восторга вздох!
Да было ль это настоящим
Когда-нибудь, мой детский Бог.

Ах, память, добрая сорока,
Жила ли я когда-то там,
Где тени Горького и Блока
За мной ходили по пятам,

Где Михаилом и Мариной
Уже проторены пути?
На этот променаж старинный
Смогу ли силы обрести,

На этот путь к самосожжению,
На этот сладостный обряд
И на Большое Вознесенье,
Где царские венцы горят?

* * *

Ба-ба-ба. Бакунинская, Бауманская.
Баба Маня, баба Ира, баба Валя.
Детская софа, кровать германская.
Мама по субботам. Нет, едва ли.

Саночки со спинкой алюминиевой,
С желтыми и красными под попой
Планками. Баб Валя, не отлынивай
От прогулки с юной Пенелопой.

Снег пушистый варежкой
приглаживаю,
Варежкой удмуртской
на подкладке.
Баба Валя с мягкой поклажею
По двору сайгачит без оглядки.

Баба Маня - щи, котлетки,
курочку.

Баба Ира - оперы, культурочку.
Спящую меня принцессу, дурочку,
Феи тешат, водят на прогулочку.

Досье «УГ»

Мария ВАТУТИНА родилась в Москве. Окончила Московский юридический институт и Литературный институт им. Горького. Автор семи поэтических сборников. Лауреат Волошинского конкурса, премии «Заблудившийся трамвай», премии им. А.А.Ахматовой, специальной премии «Московский счет», Бунинской премии. Победитель первого Всероссийского конкурса «Красная площадь. Время поэтов».

Я расту и варежки изнашиваю.
Пальца не колю, котлеты лопаю.
Феи все зовут меня Маняшею.
Мама называет Пенелопею.

* * *

Глядя на советские обноски,
«Стыд и срам», - твердили мне
упрямо
Мамина подруга из «Березки»,
Мамина подруга из «Ядрана».

У одной квартира на Солянке,
И другой не солоно, а сладко,
Мамины подружки - спекулянтки,
Мама? Мама тоже спекулянтка.

Могут с ходу угораздить в клетку.
Им еще не сшили сумки в клетку.
Их еще не дразнят челноками.
Все покуда числимся совками.

В их квартирах шмоток выше
крыши.
Чай, примерка, фирмы, кнопки,
лейблы.
Тетя Зоя цыкает: «Потише»,
Тетя Зина молит: «Поскорей бы».

Деньги возвращает им с полочки.
От долгов подругам закадычным
Мать моя уже дошла до ручки,
Потому что бредит заграничным.

Говорит, что за бугром вольнее,
Хочет укусить меня больнее,
Токарева в уши мне вонзает,
Возит к спекулянткам, соблазняет.

Я, конечно, девочка не сахар,
Из меня конфетку сделать сложно.
Но хочу, чтоб девки стали ахать!
Верю: невозможное возможно.

Вот я, в польской кофточке,
куда там!
Шепчутся Маринка, Оля, Светка:
«Машка обладает страшным
блатом,
У нее и мать - товароведка».

Вот я, исключение из правил!
Лучик света в темной атмосфере!
Даже длинный Сашка
рот раззявил,
Хоть и был неделю в гэдзэре.

* * *

Усмиренье в жизни - ближе
к середине.
И покамест русский люд совсем не

Но держала столица меня, как икону

вымер,
Поскорей бы вырос князюшка
Владимир, -
Неумело Малка молится о сыне.

Перебесится, да так, что пыхнет
серой,
Набивая брюхо, тешась медовухой,
Молодуху пробуя за молодой
Да чужую веру пробуя за верой.

Позабудет рабские свои излуки,
Распластав Рогнеду: гордая,
гляди, мол.
Поскорей бы вырос князюшка
Владимир, -
Прозорливо Ольга молится о внуке.

Перебесится, костры устроив
тыщам,
Понатыкав идиолов над городищем,
Принеся им в жертвы пленников
и брата,
И возьмет других богов для
Киев-града.

Сколько от тебя безвинных
пострадает,
Сыне ты мой, сыне, пока кровь
играет?
Как же ты отмолишь то, что прожил
в раже?

Поскорей бы вырос
князюшкоймоякняже.

* * *

Там, где гора хурмы, потом
предгорья сливы,
Бакинских огурцов и самаркандских

груш,
Есть маленький салон армянского
разлива,
Полтавских мастеров, киргизских
маникюрш.

А это за стеклом сижу
и я такая:
- Затылок надо вверх, виски
наоборот...
Хозяйка мельтешит, чай-кофе
предлагая,
Суля роскошный вид и маленький
расход.

Она проста душой, но в бизнесе -
акула:
Качает головой и цокает
опять:
- У вас морщин полно, кутикулу
раздуло,
А волос тонок так, что надо
подпитать.

Она решит мои проблемы
самомнения:
На волосы - колор,
на руки-ноги - спа.
А день-то золотой, как дынное
варенье,
Как ереванский мед, как сытная
шурпа.

Мне вспомнился Союз с тоскою,
право слово,
И весь потом его разрушивший
процесс,
Пока гремел ТВ о бунте
в Бирюлево,
И что по рынкам вновь зачистки

* * *

А потом наступали дожди,
словно немцы.
Покидали столицу вожди
и младенцы.

А потом наступали снега,
как татары.
Покидали столицу стада
и отары.

А потом наступали ручьи,
как бомжи, и
Покидали столицу ничьи
и чужие.

А потом наступала жара-
дьяволица.
Тут и мне наступала пора

ФМС. как ополченец,
Возлежал у меня на руках
Мой младенец.

Покаяние

Помню, взяла коробку, сыпала
все в пакет.
Она лежала, как лежала, ничего не
сказала вслед.
И было лето, и Таганка скатывалась
к Москве-реке колобком.
Комом в горле моем, сваренным
голубком.

В нумизматике все маразматике,
кто не шпана.
Дали мне половину моей зарплаты

фото Максима Гуреева

Мрамором, Богом меченым, выглядит человек

отступиться.
Наплывала армада огня
по газону,
Но держала столица меня,
как икону.

Выставляла вперед напоказ,
прижимала.
И столица опять в этот раз
Выживала.

Потому что всеправедный,

за ее ордена.
И я купила еды ей:
палочку колбасы, мяса
и молока.
Девяностый холст. Краснохолмский
мост. Река.

Так и дожили до зарплаты, съели
суп, закусили хлебом.
Только мне все никак
не рассчитаться с небом,
В которое я глядела тогда,

свесившись над рекой,
В которое я кричала:
«Душу мою упокой».

Зачем ты выбрало, небо, меня
в семействе старшой?
Что ты делаешь, время,
с бессмертной моей душой?!
Голодной моей старухой застишь
мне белый свет,
Эй, товарищ, нет сигарет?

Все из реликвий распродано,
осталась только она,
Ненавидящая все, что про «войну»,
моя война:
Кино про войну, песни военные,
ветеранов своих стариков.
В старости память острее осколков,
обступает со всех боков.

Вот ей и больно. Девятого
не включает хронику никогда.
Иногда она ворчит: ордена-медали
мои, ордена-меда...
Не приемлет ласку, задушевности
спускает на тормоза.
Помнит каждую цапку, машет
рукой, закрывает глаза.

Крестная Памяти В.И.Ложкиной

Сегодня в ночь в Немецкой слободе
В Елохове, в пятиэтажном доме
Не быть беде, не быть, не быть беде,
И ничему не совершаться, кроме

Постукивания ветки о стекло,
Свеченья ночника и дребезжанья
Посуды в горке. Крестной ремесло
ревнивое, слепое обожанье

Четырехлетней крестницы. Родня
И рада сбегать девочку, покуда
Дежурства и разводы, и грызня,
Тем более у девочки простуда, -

Наверно, от нехватки теплоты...
О, нежность нерастратенная, ты ли
Дрожишь в улыбке нянюшки!

В могиле
Ее младенец, но из мерзлоты

Давно не ропщет Витенька.
Стеная о материнстве, прерванном
войной,
Одна лишь Богородица стенная
Да Крестная склонились надо мной.

Легка и горяча ее ладонь,
Которую и вечность не остудит.
Ребенок спит. Горит вдали огонь
Богоявленский. И беды не будет.

У нас на Васильевском

Васильевский остров в Петербурге - самый морской, открытый к морю. Даже температура тут на несколько градусов ниже, чем в остальном городе. Все улицы прямые и продуваются насквозь. И при этом множество горожан с гордостью называют себя василеостровцами и не хотят жить больше нигде. Дух странствий, приключений, опасной, но увлекательной морской работы более всего ощутим именно здесь.

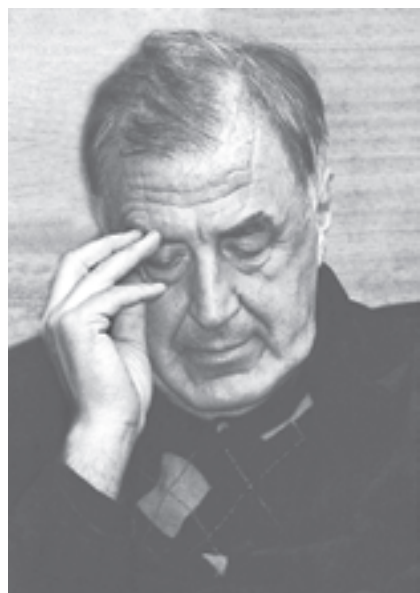
Здесь, возле устья Невы, случился знаменитый дерзкий бой, определивший судьбу нашего города. Петр уже взял Ниеншанц, шведскую крепость на берегу Невы. Но шведы пока не знали об этом. В устье Невы появились два огромных, уснащенных пушками шведских корабля. У нас не было еще такого флота. Но была отвага. Петр с верными солдатами на маленьком шлюпе подошел к борту одного корабля, и пошла рукопашная. Меншиков со своими орлами высадился на другой корабль. И мы победили. В честь этой победы Петр приказал выковать медаль с надписью «И небываемое бывает».

Весь край острова занят причалившими кораблями, торчащими кранами, огромными корабельными доками. И не случайно стоит тут могучая колоннада, выстроенная Воронихиным, - Петербургский горный институт, чьи выпускники путешествуют больше всех прочих.

Мой старый приятель, знаменитый поэт и бард Александр Городницкий, окончил этот институт и занимается именно морской геологией, посетил все океаны и моря, не раз попадал в штормы, терял плавучесть вместе с судном, но делал свое дело и сделал его - сейчас Алик Городницкий, как зовут его друзья, не только кумир туристов и прочих романтиков, но и член-корреспондент.

Другая знаменитость этих мест - Крузенштерн, стоящий на невысоком пьедестале на набережной, почти сплошь занятой причалившими судами. Курсанты расположенных поблизости морских училищ - Училища подводного флота, Академии имени Фрунзе - в день выпуска обязательно натягивают на памятник тельняшку, принимая его в свое братство и надеясь однажды приобрести умение и отвагу, отличавшие Ивана Федоровича.

Неудивительно, что именно здесь строят корабли - больше всего на знаменитом Балтийском заводе. Когда-то я тоже тут работал. Здесь то и понял, наконец, чем зарабатывает Петербург на свою «красивую жизнь». Железная коробка, напичканная проводами и аппаратурой, под названием «лодка подводная дизельная», стала моей тюрьмой на три года. Я вдруг оказался там в роли мастера, и один из сварщиков сразу сказал: «Ну мы тебе покажем наш рабочий класс!» И они показа-

Валерий ПОПОВ

ли. То были самые тяжелые, но при этом самые трудовые годы моей жизни.

Уже укупоренная подводная лодка, стоящая на кильблоках, не лучшее место на свете. Там тесно и душно. Поднимешь слабо сипящий шланг, всосешь теплого воздуха, пахнущего резиной, - и живи! Но особенно тяжело, если лето, жара, и стоит едкий дым от сварки, а еще лучше - от резки металла, желательно, покрашенного. Стоишь, размазывая грязные едкие слезы, и что-то еще пытаешься рассмотреть в этом дыму. «Вот... делайте!» - тычешь грязным пальцем, стараясь выгладеть среди прожженных работяг самым умным и знающим. Но постепенно увлекаешься этой работой. И даже убеждаешься в местном поверье, которое поначалу кажется диким: у каждой лодки, еще до того как начали ее строить, уже есть душа - прекрасная или жуткая - заранее не узнать. И проявляется она сразу же - только прикоснись. Откуда слетает она? Неизвестно. Но появляется раньше, чем хребет. И когда душа оказывается светлая и прелестная (что случается почему-то гораздо чаще, чем мы этого заслуживаем), все идет легко, все любят друг друга, комплектующие поступают вовремя и как бы сами соединяются между собой. И ты где-нибудь на бегу останавливаешься и замираешь: «Господи! За что такая милость?»

И вот спуск! Словно отдаешь любимую дочку! Впервые за последние два месяца бреемся. Непрерывно звоним в гидрометеослужбу. Минус

Досье «УГ»

Валерий ПОПОВ, писатель, сценарист. Родился в 1939 году в Казани. Окончил Ленинградский электротехнический институт и сценарный факультет ВГИКа. Произведения переведены на английский, немецкий, венгерский, польский, чешский, китайский языки. Лауреат многочисленных литературных премий, в том числе премии имени С.Довлатова за лучший рассказ, имени И.П.Белкина, Царскосельской премии, Новой Пушкинской премии, Премии Правительства РФ в области культуры за книгу «Плясать до смерти» и правительства Санкт-Петербурга за книгу серии ЖЗЛ «Дмитрий Лихачев», премии имени Гоголя за книгу серии ЖЗЛ «Зощенко».

Глава Союза писателей Санкт-Петербурга, президент Санкт-Петербургского отделения Русского ПЕН-клуба.

сорок! Минус сорок пять! Имеется в виду уровень воды в Неве по сравнению с обычным уровнем - ординаром. Как специально, к спуску лодки вода ушла! С какой высоты наша лодка со стапеля на воду упадет! Директор, все отлично понимая, тем не менее жмет: «Когда?» Дело в том, что городской голова в субботу уезжает в Италию. Италия нам далека, но основная мысль ясна: значит, в пятницу.

В огромный спусковой эллинг, насквозь продуваемый ледяным ветром с Невы (несмотря на клеенчатый занавес), подходит народ. Занавес бьется, хлещет, завивается, словно не весит несколько пудов. За ним слышится стук: трутся друг о друга ледяные осколки в Неве.

На щитах, положенных на козлы в конце эллинга, городской голова (точнее, губернатор), с ним директор завода, другие тузы. Толпа на трехъярусной эстакаде вдоль стены. На наклонных спусковых полозьях она - наша красавица! Я отвожу взгляд - глаза слезятся - в сторону и наверх. О, надо же - на самом верху стеклянной стены, на жуткой высо-

те под самой крышей, висят, как пауки, два мойщика со швабрами. Не успели закончить к приезду начальства? Или специально зависли? Отличный вид!

Невнятные речи чиновников, относимые ветром. Потом губернатор берет привязанную фалом бутылку, бросает. Тихий хлопок. Потекло! Оркестр дует марш. Ураганный ветер, залетая, держит занавес почти горизонтально, ломает звук. И вот - тишина. Лучший газорезчик с медлительностью церемониймейстера (или палача?) подходит к задержнику - железному пруту, удерживающему лодку за самый кончик. Это палач опытный: он щегольски режет задержник не насквозь, оставляет струнку, которую лодка, если она хочет в море, должна порвать сама. Или?.. Затяжная пауза. Все перекрыли дыхание. Порвала! Хорошая примета! Радостный рев. Лодка скользит все быстрее. И срывается в воду. Стук ледышек о корпус, как зубилом по голове!

Только что звонили в гидрометеослужбу... Минус сорок пять!

Я зажмуриваюсь. Мы заранее

ориентировочно прикинули, что в легком корпусе сломается, как латать... Я открываю глаза... Работяги успели уже забраться в лодку и все осмотреть и сейчас радостно пляшут на палубе, поднимая пальцы: все о'кей! Кругом объятия, вопли. Я поднимаю глаза, удерживая слезы, два «паука» под крышей радостно трясут швабрами.

Новый взрыв ликования - кто-то из работяг специально, конечно же, ради восторга сверзился с лодки в воду и теперь, поднимая то одну, то другую руку, плавает среди льдин.

...Помню, как после бурной ночи после «обмывания» новой лодки мы догоняли ее, за ночь прошедшую на буксире через всю Неву в Ладогу. Катер вкусно пахивал бензином и маслом, речная свежесть бодрила, от солнечного блеска на воде из наших измученных глаз текли слезы умиления и гордости: мы живем в этом замечательном городе и, не жалея себя, приумножаем его силу и славу. Перед нами проплывал город, лучше которого на свете нет. И правильнее всего - особенно в первый раз - рассматривать его с воды.

Перед нами проплывал город, лучше которого на свете нет

Олег ХЛЕБНИКОВ

* * *

Это место называлось «Культибаза» -
от протянутой культи - до лабаза.

А в домишке нашем деревянном
жили-были Катерина с Валерьяном.

Летом у домишки - ромашки,
а зимою - по снегу блестяшки,

ночи, как собачий вой, длинны...
Нет теперь в живых Катерины.

Забрала к себе дочь Валерьяна.
Но идет он чуть не в ночь,
раным-рано,

за семь верст, из каменного склепа -
поглядеть на землю и небо.

Он стоит один у палисада,
где Екатерина когда-то

Здесь было жить почти нельзя -
когда б не детство, не друзья,
а вечерами -
когда бы не был я влюблен
да не пылал бы небосклон
между домами.

Мне этот город был окном,
и зеркалом, и полотном,
и кистью тоже.
Мне этот город был отцом,
но не подозревал о том,
что сын я все же.

Нет, я обиды не коплю,
я и сейчас его люблю,
ему обязан.
Смотрите: тучами над ним
дым заводской, фабричный дым -
вот чем он с небом связан!

1985 г.

Мне этот город был отцом...

Ижевск. Конец 70-х
М.Сметанину

Жили тем, что летом можно было
искупаться в городском пруду
и на берегу, где ТЭЦ дымила,
съесть с собою взятую еду.

А зимой - на лыжах, по лесочку
меж онкологичкой и рекой,
ржавой и дымящейся, как бочка,
по снежочку, бьющему искрой!

Жили тем, что ловкостью достали,
жили тем, что лучше стали жить.
А из тупорылых МАЗов Сталин
так глядел, что нечего тужить.

А со стенок улыбался Ленин,
ласковый и хитрый, как печник,
и на сером лозунги алели,
и сердца не трогали ничьих.

Вообще немногого хватало:
хмурых жен, с лихвой - двоих
детей,
магазинчика за три квартала,
небольших в него очередей.

И еще какие-то мгновенья.
Доски в густо-солнечной смоле.
И листвы сухое шелестенье
на сырой от воздуха земле.

1983 г.

два куста малины посадила -
разрослась малинка на диво.

Эх, малинка ты моя, калинка!
Сама падала в ладонь,
как дождинка...

Это место называлось - «Культибаза».
Жалко, складного не вышло
рассказа.

1985 г.

* * *

Дымы над городом моим,
которым не был я любим,
в котором
терялась нить судьбы моей
и находилась все трудней
под строгим взором.

* * *

У матери была любимая работа
в конструкторском бюро.
Она чертила для любимого завода
фрезу или сверло.

И этим вот сверлом, и этой вот
фрезой
по чертежам ее
производил завод весомые резоны:
«калаш», ПМ, ружье.

Из этих железяк во всем подлунном
мире
шмаляли несвоих.
И вырос я в родной родительской
квартире
на денежку от них.

И тот недлинный рубль кормил
меня и холил

Досье «УГ»

Олег ХЛЕБНИКОВ, поэт, журналист. Родился в 1956 году в Ижевске. Окончил математический факультет Ижевского механического института и Высшие литературные курсы. Защитил кандидатскую диссертацию по кибернетике. Первые стихи были опубликованы в газете «Комсомольская правда» со вступительной статьей Бориса Слуцкого. Автор одиннадцати поэтических книг. Издавался в переводах во Франции и Дании. Лауреат литературной премии «Венец», премии журнала «Дети Ра», Новой Пушкинской премии. Живет в Москве.

годков до двадцати,
оплачивал мои начальные глаголы -
помилуй и прости!

И матери давал уверенность
в грядущем -
до Страшного Суда.
Души ее порыв - насквозь
прекраснодушным
да будет и тогда!

1999 г.

* * *

Зону эту застал я
пахшей горячей сталью,
гремящей... Но я не сталкер -
сам был ее деталью.

Туда и назад по будням
сквозь желтый туман с дымом
шел, притираясь к людям,
жилистым и нелюдимым.

Но видел, с ними контача:
контакт искрил и калился...
А вышло бы чуть иначе,
не с чайниками б возился, -

жил в городе злом, рабочем,
орудующем оружием,
и не тужил бы... Впрочем,
стал бы и там ненужным.

Когда из смерти устали
смысл добывать для жизни,
ни токари, ни детали
не пригодились Отчизне.

2012 г.

Дымы над городом моим

фото с сайта photosight.ru

В поезде Ижевск - Москва

Жалко мать. Отца. Россию -
место родины, язык.
Жалко молодость и силу -
жить без них я не привык.

Как без щедрых, полубедных,
бедных матери с отцом
дотерплю до первых медных
труб над восковым лицом?

Обезлюдившей России
как скажу: мол, снова жив?
...Что дарили - не спросили,
отнимают - не спросив.

Запах сна кисломолочный.
Новенький плацкарт полночный
мчит из прошлого меня,
чайной ложечкой звеня.

В этом прошлом целый город
и людей десятка два,
тех, кто мне, как прежде, дорог -
лица помнятся едва.

Огоньки мелькают скучно -
в бездну ночи путь лежит.
Нестерпимо однозвучно
ложка чайная дрожит.

2009 г.

* * *

Я хотел бы родиться в Смоленске
и Ленинграде,
в Ярославле, Орле, Иркутске -
чтоб быть земляком
ростовчанам, воронежцам - Родине,
Господа ради!
Чтобы знала меня, вспоминала за то,
что знаком.

Я уже не готов достучаться своими
словами
до чужих и угрюмых, не верящих
ничему.
А вот если б считались мы все
земляками,
с одного свята места всем миром
роптали Ему!..

2015 г.

фото с сайта goodfon.ru

Новенький плацкарт полночный мчит из прошлого меня

Сродники: мы из Заонежья

Документальный сборник «Сродники: мы из Заонежья» - книга уникальная. В нее вошли мемуары около полусотни жителей карельских деревень, частично написанные на практически исчезнувшем заонежском диалекте. Петрозаводский журналист Любовь Герасева провела год в экспедициях по вымирающим заонежским деревням (когда-то их было 500, теперь осталось всего 150), уговаривая людей не только вспомнить язык своего детства, но и воскресить в памяти былое - бурное XX столетие. Война, репрессии, пустеющие села, но вместе с тем вера в лучшее, неиссякаемая надежда на будущее, народный юмор, помогавший выживать в самые тяжкие времена, - в «Сродниках» всего в избытке. Книга издана небольшим тиражом - чуть больше тысячи экземпляров. Успех превзошел все ожидания: «Сродники» тут же стали раритетом и были удостоены специального диплома «За сохранение родовой памяти» Новой Пушкинской премии.

Чем глубже корни, тем крепче крона

Любовь ГЕРАСЕВА, редактор-составитель книги «Сродники: мы из Заонежья»

Заонежье... Слово-то какое - звучное, красивое, нежное. «За Онегом» значит. Чудесный край, где в жаркий летний день острова на озерах словно парят в воздухе, который можно пить большими глотками. Где вместе с деревьями стремятся ввысь седые скалы: подымешься на них - на десятки километров даль видна. Дух захватит от суровой красоты! И сам ты словно паришь над лесами, озерами и полями... Столько ярких красок в северной строгой природе - в полевых цветах и травах, в высоком небе с перистыми облаками, которое с утра голубое, днем от зноя может стать прозрачным, а на закате - оранжево-красным! Крикнешь слово, а оно, как плоский камушек, пущенный по воде и оставляющий на ее поверхности круги, отзовется многократным эхом.

Слово «срѳдники» в названии книги близко и знакомо всем заонежанам - родственники, родные. А в Заонежье, судя по метрическим книгам, все друг другу сродники: или кровные, или восприемники - крестные, кумовья или сваты... А главное, все они родственные души.

Люди здесь жили и по сей день живут размеренной деревенской жизнью. Растят детей. Стараются сохранять обычаи: человек должен знать, откуда он родом, кто были его предки. Недаром в народе говорят: «Чем глубже корни, тем крепче крона».

Откройте эту книгу - и хлынут на вас воспоминания, которые так дороги каждому автору, несмотря на пережитое. Вы почувствуете на вкус заонежскую речь, что не сохранилась в первозданном виде, но до сих пор ой как богата, и не каждый ее поймет! А так хочется, чтобы не забывали язык своих предков дети и внуки: это для них в первую очередь написали книгу наши немолодые уже заонежане, чей возраст от 53 до 95 лет. Вы узнаете о деревнях, которых и на карте теперь нет, и о том, какие люди там жили. И этот необыкновенный край станет вам ближе и понятнее.

Пусть не все авторы сегодня живут на этой земле, душой они по-прежнему в родной деревне. Память каждого хранит свои картинки прошлого, а вместе они складываются в огромное полотно с поэтичным названием Заонежье.

Камешки моего детства

Нина КРАСѳВСКАЯ (Лѳгинова) родилась в 1955 году в деревне Мѳнозеро Карасѳзѳрского сельского совета. Всю жизнь работает библиотекарем. Живет в Медвежьегѳрске.

Тропинка от нашего дома до озера вся выложена большими плоскими камнями - «плѳтами». Яркое летнее солнышко нагревает их так, что они становятся горячими. Помню, как я, совсем еще маленькая девочка, быстро-быстро бегу босиком по этим камешкам к озеру. Мне кажется, что я, как большая яркая бабочка, лечу над ними. И слышу голос мамы: «Нинушка, косанька, нѳ бяжи так шѳбко (*очень быстро*), а то пѳдешь да досѳдишься (*ушибешься*)».

Став постарше, я по этим камешкам бесконечно ношу воду на поливку грядок, тороплюсь, обливаюсь... И опять мама заботится: «Нинушка, ѳтдохни, видь (*ведь*) опристѳла (*устала*)». «Некогда, мама. Нап (*надо*) в Черкассы, на танцы лѳфкать (*бежать*)».

Уже взрослая, я приезжала в отпуск к маме и папе, вся усталая, издерганная, больная. Сняв обувь, я тихо плелась по камешкам к озеру, и мне казалось, они вытягивают из меня все негативное, что я накопила в городе. И неустанная мамина забота, и ее успокаивающие слова: «Все прѳйдет, Нинушка, глѳдо-го (*все-таки*) не вечна мѳка». Станным образом эти простые слова действовали на меня лучше всяких лекарств. К концу отпуска я уже бегала по камешкам, как молодая. «Ах, мама, мама, как корѳток век! И ѳдинок под Богом чѳловек».

По этим камешкам темной августовской ночью, ничего не видя от горя, я неслла воду из бани, чтобы помыть маму в последний путь...

«Нинушка, косанька, нѳ пади...»

Камешки мѳи! Заберите мѳю боль...

Папины байки

Папа мой, Логинов Владимир Ефимович, прожил долгую, трудную и, несмотря ни на что, счастливую жизнь. Много испытаний выпало на его долю: война, ранения, блокада Ленинграда, снова фронт и фашистский плен. Все вынес, все пережил. До конца своих дней он был для нас примером огромного трудолюбия, неиссякаемого оптимизма и жизнерадостности. Еще он обладал таким ценным, редким в наши дни качеством - чувством юмора.

Сколько всяких историй он нам порассказывал: и взятых из жизни, и придуманных самим! Хорошо, что многие из этих баек остались в моей памяти.

Как меня крестили

Родились мы с сестрой двойней - десятым и одиннадцатым ребенком в крестьянской семье. Помню, даже пеленок не было нас завярнуть. Я озябнул да и закряйдал (*закряхтел*). Мать догадалась, напекла блинов да и завярнула нас в их (*них*). Ляжим - тепло, мягко. Я голову поверну, блин ртом захвачу да и сосляю (*сосу*) потихоньку. Тут слышу, родители говорят: «Нап (*надо*) робят крестить». Понесли нас в церковь. Там поп стал думать, как нас назвать. И говорит: «Скоро праздник Кирика и Улиты, поэтому парня назовем Кириком, а девку Улитой». Как мни (*мне*) не пондравилось! Как я рассердился! Понес поп мяня (*меня*) в купель окунать. Я как впер ноги в края и говорю: «Пóка ня назовешь мяня Володей, а сестру Ольгой - ня дам окунуть». Пришлось попу согласиться. Так я стал Володей, сестра - Ольгой. А ноги так и остались на всю жизнь нарастыч (*пятки вместе, носки врозь*).

Стычка с чертом

Летом сйжу я у óкна, дяржу губы на фарфоре (*чай пью*). На травы тень от дома видна. Гляжу - на тени наш кот по крыши идет, а за гим (*ним*) черт крадется. Цоп кота в охапку - и бйжать. Потерялся кот - день, два

нету. Бабка поет: «Прóпал котик, та́кой хоро́шай, сибирска́й поро́ды. Как жма (*мифическое существо*) съела!»

Я взял лучинки, сделал крест, вышел на перекресток и кинул через ле́во пля́чо, и го́ворю: «Отдай, черт, ко́та сибирской поро́ды, а то ро́га поотшибаю, хвост у́злом за́вяжу». Только до́мой при́шел - кот в дверь цараплется. Все-таки спугался черт. Но обиду за́таил.

Шел я с Ка́расозера с мага́зина, за плеча́мы ко́шель (*заплечная сумка*) с сахаром и керосином. Стал мосточки пýрхходить, черт с подмосточков выскочил да как мя́чкнет (*стукнет*) мя́ня (*меня*) под коленки палкой. Я так и лы́знулся (*упал*) наза́дсебя (*навзничь*). За-тычка (*пробка из свернутой бумаги*) с керосина вылетела, керосин на сахар и вылился! Так не́ с чим и при́шел до́мой. Только весь в керосине.

Путешествие подо льдом по дну озера

Зимой было дело. Шел я с Карасозера до́мой в Му́нозеро. Подошел к озеру, нап (*надо*) было по́ льду йтти до́ дому. А не заметил проду́ху (*затянутое тонким рыхлым льдом место, где со дна бьет ключ*) да и провалился по́д лед. Стал на́ дно, огляделся, дай, думаю, по́йду по́д водой - чего вы́лезать. По́д водой-то темно, да лед-то прозрачной, звезды видно. Так и по́шел - по звездам. А кило́метра полтора йтти нап (*надо*). Несколько раз лы́знулся - камни-то слы́зки (*скользкие*). Ну да по́д водой мягко падать. Подошел к сво́ей про́лубы (*проруби*), по́дскочил - прямо го́ловой по́пал, а плечи-то застряли. При́шлось к соседской про́лубы йтти, та́я (*та*) шире, в гю (*в нее*) и вылез. При́шел до́мой что семо чудо (*седьмое чудо света*) - весь мокрай.

Теплый хлеб

Быль

Валерий ЛОПАТКИН родился в 1941 году в селе Великая Губа. Работал мастером стройучастка и директором МП ЖКХ в Великой Губе. В Кондопоге занимал различные инженерные должности. Живет в Кондопоге.

Начало ноября было морозным и ветреным, без фуфайчки не выйдешь! Губа Онежского озера стояла замерзшей. По прозрачному и гладкому льду деревенская ребятня форсила на самокатах, коньках, привязанных к валенкам. Некоторые взрослые на финских санях чинно отправлялись на рыбалку.

Вдоль озера тянулись баенки (бани), сходы (мостки, с которых берут воду), избы, убранные и запаханые огородами. По центру деревни, за дорогой, — снова ряд домов. А сама дорога была в колеях и крокалях (ледяных комках), замерзших лужьях (лужах).

Домишко родительский стоял на самом берегу. Летом, когда волны били в берег, брызги достигали крыльца. Перед окнами палисадник, огороженный горбылем, из-за забора поднимались три молодые березки.

Дом перестроили из старого деревенского. В одной половине жила бабушка Анна с сыном Анатолием, в другой — отец, мать и пятеро детей: я и старший брат, три сестрицы, родившиеся в мирное время. Мне шел восьмой год, выглядел мелким, худощавым, малокровным (сказалось рождение на самую войну). По этой причине и в школу не отдали с семи лет. Бабушка говорила про меня «высниманный», сравнивая с молоком, которое без сметаны осталось.

По мере сил помогал по хозяйству. Иногда мать снаряжала меня, как свободного от школы и детского сада, отovarить хлебные карточки.

Сколько грамм давали на один талончик, не помню. Но для нашей большой компании из семи человек получалась буханка без одной горбушки, отрезанной продавцом для правильности веса.

В то памятное утро мать разбудила меня около шести. Спали мы на полу возле лежанки, на тюфяках, под суконным одеялом. Когда холодало, поверх мать или отец набрасывали пальто, рибушья (старая одежда) разные.

На кухне обдало теплом, дотапливалась русская печь, кипел самовар. Мать порядно справляла (хозяйство вела, готовила) на всю семью — щи или кашу. Отец обычно готовил по субботам и воскресеньям, баловал оладьями. Как говорила бабушка, «хорошего понемножку, а вкусного — не досыти».

Я быстро натянул согреты матерью кирзовые сапоги, штаны, старую курточку. Окончательно проснулся. Стакан чая и вчерашняя олашка придали сил. Залез в перешитое, не по росту, пальто, солдатскую суконную шапку, вязаные рукавицы — в одной лежали карточки на хлеб. Вместе с матерью вышли из дома. Она — в чужой двор, где временно стояла наша корова-кормилица. А я — к ларьку, очередь занимать.

Темно, малость приторомко (страшно). Скрипели старые крыши, колотились оторвавшиеся доски, лаяли собаки. Шел, рассуждал про себя, жалел мать. Она каждый день рано встает, ложится спать за полночь, проверив тетради учеников. Ходит на собрания, педсоветы, ухаживает за нами, чинит, моет, стирает. Отец тоже в заботах. Работает, косит сено, заготавливает дрова на зиму. Старается запастись рыбой, капустой, грибами, чтобы прокормить семью. Из разговоров старших я смекнул: в семье намечалось прибавление. Значит, по карточкам нам будет причитаться полная буханка хлеба, а может, и привесок добавят.

Поднялся на горку у церкви, где рядом старое кладбище. Вот и знакомый синий ларек. Подойдя ближе, улыбнулся про себя: пришел четвертым! Ларек открывался в семь утра, сразу, как включают электричество. «Лампочки Ильича» радовали деревенских жителей с семи утра до двенадцати ночи. Остальное время мы проводили с керосиновыми лампами, слушали громкоговоритель, напоминавший черную тарелку.

Тогда я не понимал, что такое электрический ток. Но знал, что в деревне его включает и ремонтирует мужчина по фамилии Дидик. Если свет гас, мы всей семьей скандировали полусутью: «Дидик, Дидик, дай свет!» И лампочка загоралась! Удивительно, как он слышал нас...

Очередь подрастала. Мужики и бабы обсуждали колхозные дела, понижение цен на товары. Ребята постарше бегали вокруг ларька, играя в прятки. Стало чуть теплей, посветлело.

Вдалеке появилась одинокая фигурка, укутанная в платок. Старшие

признали в ней продавца. Очередь зашевелилась, повеселела, стала выравниваться.

Тетка Настя открыла дверь, зажгла свет, надела белый халат, приняла хлеб с ящичка, его как раз из пекарни на санях подвезли. Запахло жареной корочкой, подсолнечным маслом. От радостного ожидания, что скоро можно будет съесть свою долю, кружило голову.

Рука не доставала до окошка. Старушка, стоящая за мной, передала хлебные карточки продавцу. На большую семью я вновь получил неполную буханку. Поместил ее в сетчатую авоську. В рот не взял ни крошки — стыдно!

На улице появились прохожие, дома вдоль дороги стали различимы. Опять я пустился в рассуждения. Обирающую матушку, зайду за ней в чужой хлев, вместе пойдем домой. Проходя бурлящую речку Межевуху, выходящую с крутой горки под мост, не удержал-

ся от соблазна и бросил несколько камушков носком сапога вниз.

Вот и чужой дом, чуть открытые ворота хлева. Слышу голос матери, ласкающей корову. Отчитываюсь, что пришел. Мать говорит: «Повесь сетку на ворота, заходи, погрейся». Устроив авоську на гвоздик с уличной стороны, пропихнулся внутрь хлева. Пахло навозом, теплом, парным молоком...

Вдруг неведомая сила заставила меня пулей вылететь на улицу!

Драгоценной поклажи моей на воротах не было! Что-то оборвалось внутри от страха горькой потери. Огромная собака с поджатым брюхом и вытянутой мордой репсала (раздирала) авоську, стараясь добраться до теплого хлеба через большие сетчатые дыры.

Собаку звали Райла. Она досталась нашему соседу Яцкову по наследству от отца. Говорили, их предок был помещиком, таких вот собак для охоты

держал. От полуголодной жизни Райла давно потеряла гордость и элитные качества. Как говорили заонежане: клай на дорогу - гад не клонет!

Забыв страх, слабость и головокружение, я бросился к собаке, сравнивая ее с ненавистным фашистом, вцепился в авоську руками, вырывая ее из пасти. Райла рычала, не разжимая зубов, упиралась лапами, тащила за собой желанную добычу и меня в придачу. Неможно было победить ю (ее)!

Я кричал, плакал, боролся! Искры с глаз полетели! Сколько лет прошло, а такого страха больше никогда не довелось испытать! Мы катались по мерзлой земле, как два военных подранка — не желающие уступить друг другу! Собака боролась за утоление своего аппетита, я думал о родителях, сестрах, брате. Что мы будем есть?! Авоська от собачьих клыков порвалась, буханка с обкусанными, обглоданными краями вывалилась на грязную землю у самого хлева. Одним махом я прыгнул на нее, закрыл телом.

Вышла мать с подойником (*ведром для молока*). Собака, рыча, нехотя отошла. Мать подняла меня, взяв хлеб. Ладонью смахнула с одежды грязь, утерла слезы, прижала к подолу, успокоила. «Нé плачь! А хлеб óчистим, обрежем. Плóхи кусочки коровушке óтдадим, óна зá это больше мóлока прýнесет».

Всю дорогу я не мог успокоиться! Нýгайдал (*плакал*) от пережитого!

На кухне мать срезала покусанные и грязные края с нашего нормированного счастья. Оно стало миниатюрным, почти игрушечным! Отец порезал хлеб на малюсенькие кусочки — тонкие и прозрачные. Намазал их маргарином, выложил на тарелку. Всем дал по куску сахара-рафинада, налил чаю с пыхтящего самовара. Мать гладила меня по голове. Страх уходил. И я отáпорился (*отошел*)...

Нежданнные встречи

Наталья ПОДГÓРНАЯ (Абрáмова) родилась в 1954 году в Кóсмосзере. Работала продавцом, почтальоном, зоотехником. Живет с весны по осень в Велíкой Губе.

Осень, грибная пора. Погода ветреная, на озере белые буруны. Отец собрался за гóздьями в Лей-Нáволок. Бабушка Маня, папина мать, ега (*его*) отговаривает: «Подí знай, кúды в тáку

нéпогодь едешь? Никúды гóздьдя (*грозди*) твои не дéются (*не денутся*)!» Но папа коли что задумал, то бесполезно отговаривать. Мне командует: «Сóбирай яду (*еду*) и сóбирайся жíвей!» Сóбрались, поехали. Лодка новая, деревянная, мотор «Л-3» — на три лошадиные силы. Волна крута, как подкинет да бросит — думаешь, лодку переломит. Я в нос зáбилась, óтец нá корме сидит — правит. В плаще, от брызг весь сýрой. Слава богу, доехали!

Лодку зáтянули нá берег подальше, взяли корзинки, папа кóшель берестной (*заплетенная корзина*) нáдел нá плечи, в ем (*нем*) бутерброды, термос и горсть конфет в кулечке. Сразу ельник нáчался и, о чудо, — гóздьдей лúды (*много*)! С ходу нарежали гóздьдей мяшка (*мешка*) два, наверное. В лодку вытряхнули и плащом укрыли. Отец гóворит: «А дáвай, Наталья, к вéхе (*высокая вышка из жердей*) сходим, може, áще (*еще*) кáких гóбров надýбаем». Пóка дó вехи дóшли, все заполнили гóббами. Решили сразу их почистить и пéрекусить немного. Папа вытряхиват гóббы нá траву, я достаю яду (*еду*) из кóшеля и боковым зрением вижу мéдведя. Мéдведь идет прямо к нам. Шéпчу: «Папа, мéдведь!». Папа разогнулся, хватат мéня за руку, и бéжим к вехе. За каки-то секунды зáбрались до сáма верха и смотрим, как красавец мéдведь поедает наш óбед, разодрал и кулечек с карамельками — óни ему (*ему*) больно приглянулись, судя по

чавканью и рычанию. Пóтом мéдведь пóкатал термос, óбнюхал и пóдрал кóшель. Зáтем нé спеша отправился в лес. Мы подождали немного и начали спускаться, да не тут-то было! Влезли-то óпрометью, а вниз спуститься нéлегко. Óбодрали руки и ноги. Дáвай быстрехонько закидывать гóббы по корзинкам, некогда переборкой заниматься! Да по тропе к озеру! Там у лодки только и расслабились. Да дáвай смеяться нáд собой. Пóтом пóка я гóббы нá берегу чистила, папа той пóрой áще (*еще*) гóздьей пару корзин принес. Дóмой приехали голодные, но веселые. Нам сначала не поверили, бабушка гóворит: «Вýрайдайте (*придумывайте*) больше!» Но увидев ободранный мéдведем кóшель, поверила.

Март месяц. Приехали домой с учебы на несколько денечков. Весной не пахнет. Днем солнышко начинает прýгревать, а ночью мóроз. С обеда надела валенки, резинками прихватила к лыжам — и в лес. А красота в лесу! Иней на кустах, деревьях, все блестит на солнце! Иду нé спеша, куртку расстегнула, лесом люблюсь. Далековато úшла, пóра и вертаться. Той пóрой на поляну вышла, а в середине на поляне бóльший стог сена подпорами натыкан сó всех стóрон. Пóдхожу к стогу и тут вижу: стая вóлков навстрету (*навстречу*) бéгут. У меня от страха вси (*все*) пóджилки залибайдали (*за-*

тряслись), мороз по коже! Приторомко (страшно), но не растерялась, сбросила лыжи с ног и по подпорам на стог залезла. Волки подбежали и давай ходить около стога и поглядывать на меня. Я давай куски снежной шапки со стога отламывать и кидать в волков, а они только огрызаются и отскакивают в сторону. Вот и кидать уж нечего, и солнце садится - стемнело, сумерки наступили. Звери, видать, решили выжидать. Легли у стога и изредка на меня поглядывают. Что делать? Мороз пробрал насквозь. Я давай-ка примерзшую верхушку со стога сковыривать. Стала согреваться, сняла дельницы (рукавицы) с рук и давай из-под себя сено выдирать. Уже стемнело, а я все глубже в стог забираюсь. Забралась, сена сверху нагребла на себя и от усталости, да и сугревшись от работы, уснула. Проснулась, все тело затекло. Вылезая из своей норы - волков уж нет. Светает, поземка припорошила волчьи следы. Потихоньку вылезла из стога, и тут уж некогда было любоваться лесом, скорей на лыжи и домой! Родители сначала не хотели верить моему рассказу, но прилипшее по всей одежде сено было прямым доказательством. Вот такая получилась лыжная прогулка.

«Хожение по мукам»

Валентина СОЛОВЬЕВА (Васильева) родилась в 1948 году в деревне Саньки, Яндомозеро. Работала медсестрой в психоневрологическом интернате в селе Великая Губа. Живет с весны по осень в селе, а зимой - в Сегеже.

За окном хмурый декабрьский день, а память возвращает меня в прошлое, в 1953 год.

...Родители мои живут в райцентре. Комната - клетушка, да еще две младшие сестры. Поэтому я в деревне Саньки у бабушки. Эту зиму будем вмьстях (вместе) кукковать (жить) - старый да малый.

Сегодня день не простой - привезли кино, и мы пойдем в соседнюю деревню Ёсино, что за озером. Все шесть бабушек-соседок нарядились, а дед Егор даже побрился: ишь, щеку порезал - какули-то (руки) софсим (совсем) не служат.

Бабушка Поля тоже достала из шкафа плюшеву жакетку и темный гарусный (шерстяной) плат - красиво.

Дорога через Яндомозеро хорошая, совхозные мужики уж досюль (до сих пор) сено возят - лая (вон), как накатано!

...Изба-читальня закрыта - дров нету. Но на краю деревни стоит пустой дом - большой, а хозяева сёгд уехали в город. На стенку натянули простынь, принесли лавки: смотри - не хочу! Людей собралось челоовек пятнадцать, все старухи больше, мужиков-то гди (где) взять - раз-два и обчелся.

Кино было переживательное: про войну и про любовь. Я читать давно умею, но медленно. Баба Фекла впереди меня прочитала название «Хожение по мукам» и тут же запричитала:

- Ой, бедны людюшки!

...Потом вопели все. Даже дед Егор достал носовик и громко хлюпал носом. Баба Фекла терла слезы дельницей (рукавицей), а я - рукавом.

В декабре день короток, и обратно шли впотимнях (в темноте). Впереди дед Егор лифкает (бежит), потом баба Надя цыпует (семенит), а потом и мы друг за дружкой. Обратно получилось дойти бойчее - домой все-таки. Правда, у меня катанки (валенки) бо́льши (великоваты) были, так спадывали.

Пужинали мы с бабушкой чем бог послал. Она дрова кладет в лежанку, а я уж на печи ю (ее) поджигаю. Футкнула (затушила) она лампу керосинову и тоже ко мне полезла. Сначала на подпольницу (рундук у печи) выстала (поднялась), потом, хрюхтя, и на прилавок (полка у печи). Долго мы с ней про кино вспоминали, пока глаза мои не стали слипаться. Засыпая, я успела подумать, что нуныку (сегодня) у меня был очень счастливый день.

Седьмое ноября

Светлана ЛАГОДСКАЯ (Махалева) родилась в 1940 году в Карасозере. Работала секретарем-машинисткой, учителем начальных классов, русского языка и литературы, директором школы, воспитателем группы продленного дня и в детском саду. Живет в Медвежьегорске.

Вот в этот праздник, я помню, дядя Шура Фадеев всегда речь говорил. Скажет он речь перед карасозерами, и пойдем все (все) в

слякоть (сырость и грязь) на кладбище с флагом, гди (где) четверо красноармейцев захоронено во главе с Федором Капустиным, взводным первого взвода. Там я прочту о них стихотворение «Бой в Карасозере в гражданскую войну», которое мой дедушка сочинил. И все (все) потом по домам разойдутся. До того же, помню, мы собирались как-то в школе. На сцене переодеты в парневу одежду девки выступают, как-то сценку «Бим и Бом» играют, а то поют смешное и сценку играют туда же (здесь же): «У серебряной реки, на златом песочке...». Все (все) собравшиеся хохочут.

Апосля (потом) мяня поставят на табуретку, и я читаю «Письмо с фронта», что мой папа сочинил:

Расти, любимая Светлана,
И помни папу своего.
Тебя пришлось покинуть рано -
На фронт уехал далеко.

Но верь: победа будет скоро.
Я буду жив, вернусь домой.
Тогда отдам тебе я снова
Забавы, ласку и покой.

Да только не вернулся он с фронта: пал смертью храбрых 19 апреля 1945 года при взятии немецкой станции Фишхаузен, а когда-то он работал в нашей школе. Вспоминают, что он хорошо пел здека (здесь) песни (песни) с другим учителем, Яковом Семеновым. Тот тоже с войны ня пришел.

Апосля концерта кто-ни (кто-нибудь) говорил тетке Насте Потаповой: «Ну, давай, Настя, запевай!» Та запоем, али кто другай (другой), «Расцветали яблони и груши», а то «Огонек». Хорошо так, громко запоем, но в это время кака баба заревит горькими слезами, да друга подхватит, вот и слышно: одны поют - други ревут. А как ня реветь, коли у каждой (у каждой) мужик с войны ня вернулся. Одна с робятами (ребятами) горе горюет. А котора постарше, так у той и сына не стало. Апосля (после этого), правда, успокоятся, все (все) поют - праздник все же.

Не стало тяпяр (теперь) Карасозера да Узких. Осталась память людская. Ездим мы иногда на кладбища к своим и на могилу красноармейцев заходим. Стараемся пярять (передать) все из поколения в поколение. А пока память о деревнях и их людях жива, будет жить и Заонежье.

Рис. Захара ТУМОВА